

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ

Андрей Белый

Полное собрание стихотворений

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=176041*

Аннотация

«Для меня Белый — это импрессионист слова. Никто другой не может так точно „нарисовать“ происходящее всего несколькими штрихами. Всего пара предложений — а ты уже видишь все вокруг, слышишь звуки, чувствуешь запахи, даже ощущаешь на себе чьи-то взгляды. Мистика — в стихах передавать смысл без слов...»

Без противоречивой, судорожной, вдохновенной фигуры Андрея Белого невозможно представить атмосферу эпохи, предшествовавшей революции. Ее он призывал вместе с Блоком как возмездие, которое заслужил разваливавшийся царский строй. Вряд ли представлял, на чьи головы обрушатся руины. Обладал необычайным импровизационным дарованием, но без предвидения. Во всех своих подчас ребяческих, наивных порывах, причудливо соединявшихся с глубокой образованностью, Андрей Белый был беззащитно искренен и чем-то напоминал в литературе рыцаря Печального Образа.

Содержание

Золото в лазури	11
Золото в лазури	11
Бальмонту	11
1	11
2	13
3	14
Золотое руно	15
1	15
2	16
Солнце	18
Закаты	19
1	19
2	20
3	21
За солнцем	22
Вечный зов	23
1	23
2	24
3	25
Гроза на закате	26
Три стихотворения	27
1	27
2	28

3	29
Путь к невозможному	30
Не тот	31
I	31
II	32
III	34
IV	35
V	36
VI	37
Во храме	38
Старец	39
Образ вечности	40
Усмиренный	42
Последнее свидание	43
Таинство	44
Вестники	45
В полях	46
Священный рыцарь	47
Душа мира	48
Прежде и теперь	51
Опала	51
Объяснение в любви	53
Менуэт	54
Прощание	56
Полунощницы	58
Променад	61

Ссора	62
Заброшенный дом	64
Сельская картина	66
Воспоминание	69
Отставной военный	71
Незнакомый друг	74
I	74
II	74
III	75
IV	76
Весна	76
Из окна	78
Свидание	79
Кошмар среди бела дня	81
На окраине города	82
Образы	83
Великан	83
1	83
2	84
3	85
4	87
5	88
Не страшно	89
Поединок	90
1	91
2	92

Битва	93
Пригвожденный ужас	93
На горах	95
Вечность	96
Маг	97
Кентавр	98
Игры кентавров	100
Битва кентавров	101
Песнь кентавра	104
Утро	105
1	105
2	106
Пир	107
Старинный друг	108
1	109
2	110
3	111
4	112
5	113
Возврат	114
1	114
2	116
3	117
Уж этот сон мне снился	118
Преданье	120
1	120

2	121
3	122
4	123
5	124
Гном	125
1	125
2	126
Серенада	127
Одиночество	128
Утешение	129
Жизнь	130
1	130
2	131
3	132
Тоска	132
Один	133
Осень	134
Грезы	135
Северный марш	136
Кладбище	137
Багряница в терниях	139
Разлука	139
1	139
2	140
3	141
«Могилу их украсили венками...»	142

Св. Серафим	142
Владимир Соловьев	144
Ожидание	145
Призыв	146
Знаю	147
Возмездие	148
1	149
2	149
3	150
4	151
Безумец	152
1	152
2	153
3	154
Жертва вечерняя	156
Мания	157
Забота	158
1	158
2	159
Блоку	161
1	161
2	162
3	163
Одиночество	164
Осень	166
1	166

2	167
Священные дни	168
На закате	169
Подражание Вл. Соловьеву	170
Любовь	171
Ясновидение	172
Мои слова	173
С.М. Соловьеву	174
Раздумье	175
Пепел	176
Россия	176
Отчаянье	176
Деревня	178
Шоссе	180
На вольном просторе	181
На рельсах	182
Из окна вагона	184
Телеграфист	185
В вагоне	190
Станция	192
Каторжник	194
Вечерком	198
Бурьян	200
Арестанты	203
Веселье на Руси	204
Осинка	207

Конец ознакомительного фрагмента.

Андрей Белый

Полное собрание стихотворений

Золото в лазури

Посвящаю эту книгу дорогой матери

Золото в лазури

Бальмонту

1

В золотистой дали
облака, как рубины, —
облака, как рубины, прошли,
как тяжелые, красные льдины.

Но зеркальную гладь

пелена из туманов закрыла,
и душа неземную печать
тех огней – сохранила.

И, закрытые тьмой,
горизонтов сомкнулись объятья.
Ты сказал: «Океан голубой
еще с нами, о братья!»

Не бояся луны,
прожигавшей туманные сети,
улыбались – священной весны
все задумчиво грустные дети.

Древний хаос, как встарь,
в душу крался смятеньем неясным.
И луна, как фонарь,
озаряла нас отсветом красным.

Но ты руку воздел к небесам
и тонул в ликовании мира.
И заластился к нам
голубеющий бархат эфира.

Апрель 1903
Москва

Огонечки небесных свечей
снова борются с горестным мраком.
И ручей
чуть сверкает серебряным знаком.

О поэт – говори
о неслышном полете столетий.
Голубые восторги твои
ловят дети.

Говори о безумье миров,
завертевшихся в танцах,
о смеющейся грусти веков,
о пьянящих багрянцах.

Говори
о полете столетий.
Голубые восторги твои
чутко слышат притихшие дети.

Говори...

Май 1903

Москва

Поэт, – ты не понят людьми.
В глазах не сияет беспечность.
Глаза к небесам подними:
с тобой бирюзовая Вечность.

С тобой, над тобою она,
ласкает, целует беззвучно.
Омыта лазурью, весна
над ухом звенит однозвучно,
С тобой, над тобою она.
Ласкает, целует беззвучно.

Хоть те же всё люди кругом,
ты – вечный, свободный, могучий.
О, смейся и плачь: в голубом,
как бисер, рассыпаны тучи.

Закат догорел полосой,
огонь там для сердца не нужен:
там матовой, узкой каймой
протянута нитка жемчужин.
Там матовой, узкой каймой
протянута нитка жемчужин.

Золотое руно

Посвящено Э. К. Метнеру

1

Золотея, эфир просветится
и в восторге сгорит.
А над морем садится
ускользающий, солнечный щит.

И на море от солнца
золотые дрожат языки.
Всюду отблеск червонца
среди всплесков тоски.

Встали груди утесов
среди трепещущей, солнечной ткани.
Солнце село. Рыданий
полон крик альбатросов:

«Дети солнца, вновь холод бесстрастья!
Закатилось оно —
золотое, старинное счастье —
золотое руно!»

Нет сиянья червонца.
Меркнут светочи дня.
Но везде вместо солнца
ослепительный пурпур огня.

Апрель 1903

Москва

2

Пожаром склон неба объят...
И вот аргонавты нам в рог отлетаний
трубят...
Внимайте, внимайте...
Довольно страданий!
Броню надевайте
из солнечной ткани!

Зовет за собою
старик аргонавт,
взывает
трубой
золотою:
«За солнцем, за солнцем, свободу любя,
умчимся в эфир
голубой!...»

Старик аргонавт призывает на солнечный пир,
трубя
в золотеющий мир.

Всё небо в рубинах.
Шар солнца почил.
Всё небо в рубинах
над нами.
На горных вершинах
наш Арго,
наш Арго,
готовая лететь, золотыми крылами
забил.

Земля отлетает...
Вино
мировое
пылает
пожаром
опять:
то огненным шаром
блистать
выплывает
руно
золотое,
искрясь.

И, блеском объятый,
светило дневное,

что факелом вновь зажжено,
несясь,
настигает
наш Аргон крылатый.

Опять настигает
свое золотое
руно...

Октябрь 1903
Москва

Солнце

Автору «Будем как Солнце»

Солнцем сердце зажжено.
Солнце – к вечному стремительность.
Солнце – вечное окно
в золотую ослепительность.

Роза в золоте кудрей.
Роза нежно колышется.
В розах золото лучей
красным жаром разливается.

В сердце бедном много зла
сожжено и перемолото.

Нагни души – зеркала,
отражающие золото.

1903

Серебряный Колодезь

Закаты

1

Даль – без конца. Качается лениво,
шумит овес.

И сердце ждет опять нетерпеливо
всё тех же грез.

В печали бледной, виннозолотистой,
закрывшись тучей
и окаймив дугой ее огнистой,
сребристо жгучей,
садится солнце красно-золотое...

И вновь летит

вдоль желтых нив волнение святое,
овсом шумит:

«Душа, смирись: средь пира золотого
скончался день.

И на полях туманного бывшего
ложится тень.

Уставший мир в покое засыпает,

и впереди
весны давно никто не ожидает.
И ты не жди.
Нет ничего... И ничего не будет...
И ты умрешь...
Исчезнет мир, и Бог его забудет.
Чего ж ты ждешь?»
В дали зеркальной, огненно-лучистой,
закрывшись тучей
и окаймив дугой ее огнистой,
пунцово-жгучей,
огромный шар, склонясь, горит над нивой
багрянцем роз.
Ложится тень. Качается лениво,
шумит овес.

Июль 1902

Серебряный Колодезь

2

Я шел домой согбенный и усталый,
главу склонив.
Я различал далекий, запоздалый
родной призыв.
Звучало мне: «Пройдет твоя кручина,
умчится сном».
Я вдаль смотрел – тянулась паутина

на голубом
из золотых и лучезарных ниток...
Звучало мне:
«И времена свиваются, как свиток...
И всё во сне...
Для чистых слез, для радости духовной,
для бытия,
мой падший сын, мой сын единокровный,
зову тебя...»
Так я стоял счастливый, безответный.
Из пыльных туч
над далью нив вознесся златосветный
янтарный луч.

Июнь 1902

Серебряный Колодезь

3

Шатаясь, склоняется колос.
Прохладой вечерней пахнет.
Вдали замирающий голос
в безвременье грустно зовет.

Зовет он тревожно, невнятно
туда, где воздушный чертог,
а тучек скользящие пятна
над нивой плывут на восток.

Закат полосой багряной
бледнеет в дали за горой.
Шумит в лучезарности пьяной
вкруг нас океан золотой.

И мир, догорая, пирует,
и мир славословит Отца,
а ветер ласкает, целует.
Целует меня без конца.

Март 1902
Москва

За солнцем

Пожаром закат златомирный пылает,
лучистой воздушностью мир пронизав,
над нивою мирной кресты зажигает
и дальние абрисы глав.

Порывом свободным воздушные ткани
в пространствах лазурных влачась, шумят,
обвив нас холодным атласом лобзаний,
с востока на запад летят.

Горячее солнце – кольцо золотое —
твой контур, вонзившийся в тучу, погас.

Горячее солнце – кольцо золотое —
ушло в неизвестность от нас.

Летим к горизонту: там занавес красный
сквозит беззакатностью вечного дня.
Скорей к горизонту! Там занавес красный
весь соткан из грез и огня.

1903

Вечный зов

Д. С. Мережковскому

1

Пронизала вершины деревьев
желто-бархатным светом заря.
И звучит этот вечный напев:
«Объявись – зацелую тебя...»

Старина, в пламенеющий час
обмявшая нас мировым, —
старина, окружившая нас,
водопадом летит голубым.

И веков струевой водопад,

вечно грустной спадая волной.
не замает к былому возврат,
навсегда засквозив стариной

Песнь всё ту же поет старина,
душит тем же восторгом нас мир.
Точно выплеснут кубок вина,
напоившего вечным эфир.

Обращенный лицом к старине,
я склонился с мольбою за всех
Страстно тянутся ветви ко мне
золотых, лучезарных дерев.

И сквозь вихрь непрерывных веков
что-то снова коснулось меня, —
тот же грустно задумчивый зов:
«Объявись — зацелую тебя...»

2

Проповедуя скорый конец,
я предстал, словно новый Христос,
возложивши терновый венец,
разукрашенный пламенем роз.

В небе гас золотистый пожар.

Я смеялся фонарным огням.
Запрудив вокруг меня тротуар,
удивленно внимали речам.

Хохотали они надо мной,
над безумно-смешным лжехристом.
Капля крови огнистой слезой
застывала, дрожа над челом.

Гром пролетов и крики, и стук,
ход бесшумный резиновых шин...
Липкой грязью окаченный вдруг,
побледневший утих арлекин.

Яркогазовым залит лучом,
я поник, зарыдав как дитя
Потащили в смирительный дом,
погоняя пинками меня.

3

Я сижу под окном.
Прижимаюсь к решетке, молясь,
В голубом
всё застыло, искрясь.

И звучит из дали:

«Я так близко от вас.
мои бедные дети земли,
в золотой, янтареющий час...»

И под тусклым окном
за решеткой тюрьмы
ей машу колпаком:
«Скоро, скоро увидимся мы...»

С лучезарных крестов
нити золота тешат меня...
Тот же грустно задумчивый зов:
«Объявись – зацелую тебя... »

Полный радостных мук.
утихает дурак
Тихо падает на пол из рук
сумасшедший колпак.

Июнь 1903

Серебряный Колодезь

Гроза на закате

Вижу на западе волны я
облачно-грозных твердынь.
Вижу – мгновенная молния
блещет над далью пустынь.

Грохот небесного молота.
Что-то, крича, унеслось.
Море вечернего долота
в небе опять разлилось.
Плачу и жду несказанного,
плачу в порывах безмирных.
Образ колосса туманною
блещет в зарницах сапфирных.
Держит лампаду пурпурную
Машет венцом он зубчатым.
Ветер одежду лазурную
рвет очертаньем крылатым.
Молнии рубинно-сапфирные
Грохот тяжелого молота
Волны лазури эфирные
Море вечернего золота.

Июнь, 1903

Серебряный Колодезь

Три стихотворения

1

Всё тот же раскинулся свод
над нами лазурно-безмирный,
и тот же на сердце растёт

восторг одиночества пирный.

Опять золотое вино
на склоне небес потухает.
И грудь мою слово одно
знакомою грустью сжимает.

Опять заражаюсь мечтой,
печалью восторженно-пьяной...
Вдали горизонт золотой
подернулся дымкой багряной.

Смеюсь – и мой смех серебрист,
и плачу сквозь смех поневоле.
Зачем этот воздух лучист?
Зачем светозарен... до боли?

Апрель 1902

Москва

2

Поет облетающий лес
нам голосом старого барда.
У склона воздушных небес
протянута шкура гепарда.

Не веришь, что ясен так день,

что прежнее счастье возможно.
С востока приблизилась тень
тревожно.

Венок возложил я, любя,
из роз – и он вспыхнул огнями.
И вот я смотрю на тебя,
смотрю, зачарованный снами.

И мнится – я этой мечтой
всю бездну восторга измеряю.
Ты скажешь – восторг тот святой
Не верю!

Поет облетающий лес
нам голосом старого барда.
На склоне воздушных небес
сожженная шкура гепарда.

Апрель 1902

Москва

3

Звон вечерний гудит, уносясь
в вышину. Я молчу, я доволен.
Светозарные волны, искрясь,
зажигают кресты колоколен.

В тучу прячется солнечный диск.
Ярко блещет чуть видный остаток.
Над сверкнувшим крестом дружный визг
белогрудых счастливых касаток.

Пусть туманна огнистая даль —
посмотри, как всё чисто над нами.
Пронизал голубую эмаль
огневеющий пурпур снопами.

О, что значат печали мои!
В чистом небе так ясно, так ясно...
Белоснежный кусок кисеи
загорелся мечтой виннокрасной.

Там касатки кричат, уносясь.
Ах, полет их свободен и волен...
Светозарные волны, искрясь,
озаряют кресты колоколен.

1902

Путь к невозможному

Мы былое окинули взглядом,
но его не вернуть.
И мучительным ядом

сожаленья отравлена грудь.
Не вздыхай... Позабудь...
Мы летим к невозможному рядом.
Наш серебряный путь
зашумел временным водопадом.
Ах, и зло, и добро
утонуло в прохладе манящей!
Серебро, серебро
омывает струёй нас звенящей.
Это – к Вечности мы
устремились желанной.
Засиял после тьмы
ярче свет первозданный.
Глуше вопли зимы.
Дальше хаос туманный...
Это к Вечности мы
полетели желанной.

1903

Не тот

В. Я. Брюсову

I

Сомненье, как луна, взошло опять,

и помысл злой
стоит, как тать, —
осенней мглой.

Над тополем, и в небе, и в воде
горит кровавый рог.
О, где Ты, где,
великий Бог!..

Откройся нам, священное дитя...
О, долго ль ждать,
шутить, грустя,
и умирать?

Над тополем погас кровавый рог.
В тумане Назарет.
Великий Бог!..
Ответа нет.

II

Восседает меж белых камней
на лугу с лучезарностью кроткой
незнакомец с лазурью очей,
с золотою бородкой.

Мглой задернут восток...

Дальний крик пролетающих галок.
И плетет себе белый венок
из душистых фиалок.

На лице его тени легли.
Он поет – его голос так звонок.
Поклонился ему до земли.
Стал он гладить меня, как ребенок.

Горбуны из пещеры пришли,
повинуясь закону.
Горбуны поднесли
золотую корону.

«Засиял ты, как встарь...
Мое сердце тебя не забудет.
В твоём взоре, о царь,
все что было, что есть и что будет.

И береза, вершиной скользя
в глубь тумана, ликует...
Кто-то, Вечный, тебя
зацелует!»

Но в туман удаляться он стал.
К людям шел разгонять сон их жалкий.
И сказал,
прижимая, как скипетр, фиалки:

«Побеждаеши сим!»
Развевалась его багряница.
Закружилась над ним,
глухо каркая, черная птица.

III

Он – букет белых роз.
Чаша он мировинного зелья.
Он, как новый Христос,
просиявший учитель веселья.

И любя, и грустя,
всех дарит лучезарностью кроткой.
Вот стоит, как дитя,
с золотисто-янтарной бородкой.

«О, народы мои,
приходите, идите ко мне.
Песнь о новой любви
я расслышал так ясно во сне.

Приходите ко мне.
Мы воздвигнем наш храм.
Я грядущей весне
свое жаркое сердце отдам.

Приношу в этот час,
как вечернюю жертву, себя...
Я погибну за вас,
беззаветно смеясь и любя...

Ах, лазурью очей
я омою вас всех.
Белизною моей
успокою ваш огненный грех»...

IV

И он на троне золотом,
весь просиявший, восседая,
волшебнo-пламенным вином
нас всех безумно опьяняя,

ускорил ужас роковой.
И хаос встал, давно забытый.
И голос бури мировой
для всех раздался вдруг, сердитый.

И на щеках заледенел
вдруг поцелуй желанных губок.
И с тяжким звоном полетел
его вина червонный кубок.

И тени грозные легли
от стран далекого востока.
Мы все увидели вдали
седобородого пророка.

Пророк с волнением грозным
сказал: «Антихрист объявился»...
И хаос бредом роковым
вкруг нас опять зашевелился.

И с трона грустный царь сошел,
в тот час повитый тучей злою.
Корону сняв, во тьму пошел
от нас с опущенной главою.

V

Ах, запахнувшись в цветные тоги,
восторг пьянящий из кубка пили.
Мы восхищались, и жизнь, как боги,
познанием новым озолотили.

Венки засохли и тоги сняты,
дрожащий светоч едва светится.
Бежим куда-то, тоской объаты,
и мрак окрестный бедой грозитя.

И кто-то плачет, охвачен дрожью,
охвачен страхом слепым: «Ужели
все оказалось безумством, ложью,
что нас манило к высокой цели?»

Приют роскошный – волшебств обитель,
где восхищались мы знаньем новым, —
спалил нежданно разящий мститель
в час полуночи мечом багровым.

И вот бежим мы, бежим, как тати,
во тьме кромешной, куда – не знаем,
тихонько ропщем, перечисляем
недостающих отсталых братии.

VI

О, мой царь!
Ты запутан и жалок.
Ты, как встарь,
притаился средь белых фиалок.

На закате блеск вечной свечи,
красный отсвет страданий —
золотистой парчи
пламезарные ткани.

Ты зываеш, грустя,
как болотная птица...
О, дитя,
вся в лохмотьях твоя багряница.

Затуманены сном
наплывающей ночи
на лице снеговом
голубые безумные очи.

О, мой царь,
о, бесцарственно-жалкий,
ты, как встарь,
на лугу собираешь фиалки.

Июнь 1903

Серебряный Колодезь

Во храме

Толпа, войдя во храм, задумчивей и строже...
Лампад пунцовых блеск и тихий возглас:
«Боже...»

И снова я молюсь, сомненьями томим.
Угодники со стен грозят перстом сухим,

лицо суровое чернеет из киота

да потемневшая с веками позолота.

Забил поток лучей расплавленных в окно...

Всё просветилось вдруг, всё солнцем зажжено:

и «Свете тихий» с клиросов воззвали,

и лики золотом пунцовым заблистали.

Восторгом солнечным зажженный иерей,

повитый ладаном, выходит из дверей.

Июнь 1903

Серебряный Колодезь

Старец

Исчезает долин

беспокойная тень,

и средь дымных вершин

разгорается день.

Бесконечно могуч

дивный старец стоит

на востоке средь туч

и призывно кричит:

«Друг, ко мне! Мы пойдем

в бесконечную даль.

Там развеется сном
и болезнь, и печаль»...

Его риза в огне...
И, как снег, седина.
И над ним в вышине
голубая весна.

И слова его – гром,
потрясающий мир
неразгаданным сном...
Он стоит, как кумир,

как весенний пророк,
осиянный мечтой.
И кадит на восток,
на восток золотой.

И все ярче рассвет
золотого огня.
И все ближе привет
беззакатного дня.

Сентябрь 1900

Образ вечности

Бетховену

Образ возлюбленной – Вечности —
встретил меня на горах.
Сердце в беспечности.
Гул, прозвучавший в веках.
В жизни загубленной
образ возлюбленной,
образ возлюбленной – Вечности,
с ясной улыбкой на милых устах.

Там стоит,
там манит рукой...
И летит
мир предо мной —
вихрь крутит
серых облак рой.

Полосы солнечных струй златотканые
в облачной стае торят...
Чьи-то призывы желанные,
чей-то задумчивый взгляд.

Я стар – сребрится
мой ус и темя,
но радость снится.
Река, что время:
летит – кружится...

Мой челн сквозь время,

сквозь мир помчится.

И умчусь сквозь века в лучесветную даль...
И в очах старика
не увидишь печаль.

Жизни не жаль
мне загубленной.
Сердце полно несказанной беспечности —
образ возлюбленной,
образ возлюбленной —
— Вечности!..

Апрель
1903

Усмирeнный

Молчит усмирeнный, стоящий над кручей отвесной,
любовно охваченный старым пьянящим эфиром,
в венке серебристом и в мантии бледнонебесной,
простерший свои онемевшие руки над миром.

Когда-то у ног его вечные бури хлестали.
Но тихое время смирило вселенские бури.
Промчались столетья. Яснеют безбурные дали.
Крылатое время блаженно утонет в лазури.

Задумчивый мир напоило немеркнувшим светом
великое солнце в печали янтарно-закатной.
Мечтой лебединой, прощальным вечерним приветом
сидит, умирая, с улыбкой своей невозвратной.

Вселенная гаснет... Лицо приложив восковое
к холодным ногам, обнимая руками колени...
Во взоре потухшем волнение безумно-немое,
какая-то грусть мировых, окрыленных молений.

1903

Последнее свидание

Она улыбнулась, а иглы мучительных терний
ей голову сжали горячим, колючим венцом —
сквозь боль улыбнулась, в эфир отлетая вечерний...
Сидит – улыбнулась бескровно-туманным лицом.

Вдали – бирюзовость... А ветер тоскующий гонит
листы потускневшие в медленно гаснущий час.
Жених побледнел. В фиолетовом трауре тонет,
с невесты не сводит осенних, задумчивых глаз.

Над ними струятся пространства, лазурны и чисты.
Тихонько ей шепчет: «Моя дорогая, усни...
Закатится время. Промчатся, как лист золотистый,
последние в мире, безвременьем смытые, дни».

Склонился – и в воздухе ясном звучат поцелуи.
Она улыбнулась, закрыла глаза, чуть дыша.
Над ними лазурней сверкнули последние струи,
над ними помчались последние листья, шурша.

1903

Серебряный Колодезь

Таинство

Мне слышались обрывки слов святых.
Пылала кровь в сосудах золотых.
Возликовав, согбенный старый жрец
пред жертвой снял сверкающий венец.

Кадильницей взмахнул, и фимиам
дыханьем голубым наполнил храм.
Молельщикам раздал венки из роз.
Пал ниц и проливал потоки слез.

Прощальным сном, нетленной мечтой
погас огонь небесно-золотой.
В цветных лампадах засиял чертог.
Заговорил у жертвенника рог.
Возликовав, согбенный старый жрец
из чащ пролил сверкающий багрец.
Средь пряных трав, средь нежных чайных роз

пал ниц и проливал потоки слез.

1901

Вестники

В безысходности нив
онемелый овес
дремлет, колос склонив,
среди несбыточных грез...

Тишину возмутив,
весть безумно пронес
золотой перелив,
что идет к нам Христос.

Закивал, возопив,
исступленный овес.

Тихий звон. Сельский храм
полон ропота, слез.
Не внимая мольбам
голос, полный угроз,
все твердит: «Горе вам!»

Кто-то свечи принес
и сказал беднякам:

«Вот Спаситель-Христос
приближается к нам»...
Среди вздохов и слез
потянулись к дверям.

1903

В полях

Солнца контур старинный,
золотой, огневой,
апельсинный и винный
над червонной рекой.

От воздушного пьянства
онемела земля.
Золотые пространства,
золотые поля.

Озаренный лучом, я
спускаюсь в овраг.
Чернопыльные комья
замедляют мой шаг,

От всего золотого
к ручейку убегу —
холод ветра ночного
на зеленом лугу.

Солнца контур старинный,
золотой, огневой,
апельсинный и винный
убежал на покой.

Убежал в неизвестность,
Над полями легла,
заливая окрестность,
бледно-синяя мгла.

Жизнь в безвременье мчится
пересохшим ключом:
все земное нам снится
утомительным сном.

1904

Священный рыцарь

Посвящается «бедным рыцарям»

Я нарезал алмазным мечом
себе полосы солнечных бликов.
Я броню из них сделал потом
и восстал среди криков.

Да избавит Царица меня

от руки палачей!
Золотая кольчуга моя
из горячих, воздушных лучей.

Белых тучек нарвал средь лазури,
приковал к мирозлатному шлему.
Пели ясные бури
из пространств дорогую поэму.

Вызывал я на бой
ослепленных заразой неверья.
Холодеющий вихрь, золотой,
затрепал мои белые перья.

1903

Душа мира

Вечной
тучкой несется,
улыбкой
беспечной,
улыбкой зыбкой
смеется.
Грядой серебристой
летит над водою —
— лучисто —
волнистой

грядую.

Чистая,
словно мир,
вся лучистая —
золотая заря,
мировая душа.
За тобою бежишь,
весь
горя,
как на пир,
как на пир
спеша.
Травой шелестишь:
«Я здесь,
где цветы...
Мир
вам...»
И бежишь,
как на пир,
но ты —
Там...

Пронесясь
ветерком,
ты зелень чуть тронешь,
ты пахнешь
холодком
и смеясь

вмиг
в лазури утонешь,
улетишь на крыльях стрекозовых.
С гвоздик
малиновых,
с бледно-розовых
кашек —
ты рубиновых
гонишь
букашек.

1902

Прежде и теперь

Опала

Посвящается А. А. Блоку

Блестящие ходят персоны,
повсюду фаянс и фарфор,
расписаны нежно плафоны,
музыка приветствует с хор.

А в окнах для взора угодный,
прилежно разбитый цветник.
В своем кабинете дородный
и статный сидит временщик.

В расшитом камзоле, при шпаге,
в андреевском ордене он.
Придворный, принесший бумаги,
отвесил глубокий поклон, —

Приветливый, ясный, речистый,
отдавшийся важным делам.
Сановник платочек душистый
кусает, прижавши к устам.

Докладам внимает он мудро,
Вдруг перстнем ударил о стол.
И с буклей посыпалась пудра
на золотом шитый камзол.

«Для вас, государь мой, не тайна,
что можете вы пострадать:
и вот я прошу чрезвычайно
сию неисправность изъять...»

Лицо утонуло средь кружев.
Кричит, раскрасневшись: «Ну что ж!..
Татищев, Шувалов, Бестужев —
у нас есть немало вельмож —

Коль вы не исправны, законы
блюсти я доверю другим...
Повсюду, повсюду препоны
моим начинаньям благим!..»

И, гневно поднявшись, отваги
исполненный, быстро исчез.
Блеснул его перстень и шпаги
украшенный пышно эфес.

Идет побледневший придворный...
Напудренный щеголь в лорнет
глядит — любопытный, притворный:

«Что с вами? Лица на вас нет...

В опале?.. Назначен Бестужев?»

Главу опустил – и молчит.

Вкруг море камзолов и кружев,
волнуясь, докучно шумит.

Блестящие ходят персоны,
музыка приветствует с хор,
окраскою нежной плафоны
ласкают пресыщенный взор.

Апрель 1903

Москва

Объяснение в любви

Посвящается дорогой матери

Сияет роса на листочках.

И солнце над прудом горит.

Красавица с мушкой на щечках,
как пышная роза, сидит.

Любезная сердцу картина!

Вся в белых, сквозных кружевах,
мечтает под звук клавесина...

Горит в золотистых лучах

под вешнюю лаской фортуны
и хмелю обвитый карниз,
и стены. Прекрасный и юный,
пред нею склонился маркиз

в привычно заученной роли,
в волнисто-седом парике,
в лазурно-атласном камзоле,
с малиновой розой в руке.

«Я вас обожаю, кузина!
Извольте цветок сей принять...»
Смеется под звук клавирина
и хочет кузину обнять.

Уже вдоль газонов росистых
туман бледно-белый ползет.
В волнах фиолетово-мглистых
луна золотая плывет.

Март 1903
Москва

Менуэт

Вельможа встречает гостью.
Он рад соседке.

Вертя драгоценною тростью,
стоит у беседки.

На белом атласе сапфиры.
На дочках – кисейные шарфы.

Подули зефиры —
воздушный аккорд
Эоловой арфы.

Любезен, но горд,
готовит изящный сонет
старик.
Глядит в глубь аллеи, приставив лорнет,
надев треуголку на белый парик.

Вот... негры вдали показались —
все в красном – лакеи...
Идет в глубь аллеи
по старому парку.

Под шепот алмазных фонтанов
проходят сквозь арку.

Вельможа идет для встречи.
Он снял треуголку.
Готовит любезные речи.
Шуршит от шелку.

Март 1903

Москва

Прощание

Посвящается Эллису

Красавец Огюст,
на стол уронив табакерку,
задев этажерку,
обнявши подругу за талью, склонился
на бюст.

«Вы – радости, кои
Фортуна несла – далеки!..»

На клумбах левкой.
Над ними кружат мотыльки.

«Прости, мое щастье:
уйдет твой Огюст...»

Взирает на них без участия
холодный и мраморный бюст.
На бюсте сем глянец...

«Ах, щастье верну!..
Коль будет противник, его, как гишпанец,
с отвагою, шпагой проткну...

Ответишь в день оный,
коль, сердце, забудешь меня».

Сверкают попоны
лихого коня.

Вот свистнул по воздуху хлыстик.
Помчался
и вдаль улетел.

И к листику листик
прижался:
то хладный зефир прошумел.

«Ах, где ты, гишпанец мой храбрый?
Ах, где ты, Огюст?»
Забыта лежит табакерка...
Приходят зажечь канделябры...

В огнях этажерка
и мраморный бюст.

Апрель 1903

Москва

Полунощницы

Посвящается А.А. Блоку

На столике зеркало, пудра, флаконы,
что держат в руках купидоны,
белила,
румяна...

Затянута туго корсетом,
в кисейном девица в ладоши забила,
вертась пред своим туалетом:
«Ушла... И так рано!..
Заснет и уж нас не разгонит...
Ах, котик!..»

И к котику клонит
свои носик и ротик...

Щебечет другая
нежнее картинки:
«Ma chere, дорогая —
сережки, корсажи, ботинки!
Уедем в Париж мы...
Там спросим о ценах...»

Блистают

им свечи.
Мелькают
на стенах
их фижмы
и букли, и плечи...

«Мы молоды были...
Мы тоже мечтали,
но кости заныли,
прощайте!...» —
старушка графиня сказала им басом...

И все восклицали:
«Нет, вы погадайте...»
И все приседали,
шуршали атласом
«Ведь вас обучал Калиостро...»

— «Ну, карты давайте...»
Графиня гадает, и голос звучит ее трубный,
очами сверкает так остро.
«Вот трефы, вот бубны...»

На стенах портреты...
Столпились девицы с ужимками кошки.
Звонят их браслеты,
горят их сережки.

Трясется чепец, и колышутся лопасти кофты.

И голос звучит ее трубный:

«Беги женихов ты...

Любовь тебя свяжет и сетью опутает вервий.

Гаси сантимента сердечного жар ты...

Опять те же карты:

Вот бубны,

вот черви...»

Вопросы... Ответы...

И слушают чутко...

Взирают со стен равнодушно портреты...

Зажегся взор шустрый...

Темно в переходах

и жутко...

И в залах на сводах

погашены люстры...

И в горнице тени трепещут...

И шепчутся. «Тише,

вот папа

услышит, что дочки ладонями плещут,

что возьятся ночью, как мыши,

и тешат свой норов...

Вот папа

пришлет к нам лакея «арапа»

Притихли, но поздно:

в дали коридоров

со светом в руках приближаются грозно.
Шатаются мраки...

Арапы идут и – о Боже! —
вот шарканье туфель доносится грубо,
смеются их черные рожи,
алеют их губы,
мелькают пунцовые фраки...

1903

Серебряный Колодезь

Променад

Красотка летит вдоль аллеи
в карете своей золоченой.
Стоят на запятках лакеи
в чулках и в ливрее зеленой.

На кружевах бархатной робы
всё ценные камни сияют.
И знатные очень особы
перед ней треуголку снимают.

Карета запряжена цугом...
У лошади в челке эгретка
В карете испытанным другом
с ней рядом уселась левретка.

На лошади взмыленно снежной
красавец наездник промчался,
он, ветку акации нежной
сорвав на скаку, улыбался.

Стрельнул в нее взором нескромно...
В час тайно условленной встречи,
напудренно-бледный и томный, —
шепнул ей любовные речи

В восторге сидит онемелом...
Карета на запад катится...
На фоне небес бледно-белом
светящийся пурпур струится

Ей грезится жар поцелуя...
Вдали очертаньем неясным
стоит неподвижно статуя,
охвачена заревом красным.

1903

Серебряный Колодезь

Ссора

Посвящается М.И. Балтрушайтис

Заплели косицы змейкой
графа старого две дочки.
Поливая клумбы, лейкой
воду черпают из бочки.

Вот садятся на скамейку,
подобрав жеманно юбки,
на песок поставив лейку
и сложив сердечком губки.

Но лишь скроется в окошке
образ строгий гувернантки, —
возникают перебранки
и друг другу кажут рожки.

Замелькали юбки, ножки,
кудри, сглаженные гребнем...
Утрамбованы дорожки
мелким гравием и щебнем.

Всюду жизнь и трепет вешний,
дух идет от лепесточков,
от голубеньких цветочков,
от белеющей черешни.

И в разгаре перебранки
языки друг Другу кажут...
Строгий возглас гувернантки:
«Злые дети, вас накажут!...»

Вечер. Дом, газон, кусточек
тонут в полосах тумана.
«Стонет сизый голубочек», —
льется звонкое сопрано.

И субтильные девицы,
подобрав жеманно юбки,
как нахохленные птицы,
в дом идут, надувши губки.

Апрель 1903
Москва

Заброшенный дом

Заброшенный дом.
Кустарник колючий, но редкий.
Грущу о былом:
«Ах, где вы – любезные предки?»

Из каменных трещин торчат
проросшие мхи, как полипы.
Дуплистые липы
над домом шумят.

И лист за листом,
тоскуя о неге вчерашней,

кружится под тусклым окном
разрушенной башни.

Как стерся изогнутый серп
среди нежно белеющих лилий —
облупленный герб
дворянских фамилий.

Былое, как дым...
И жалко.
Охрипшая галка
глумится над горем моим.

Посмотришь в окно —
часы из фарфора с китайцем.
В углу полотно
с углем нарисованным зайцем.

Старинная мебель в пыли,
да люстры в чехлах, да гардины...
И вдаль отойдешь... А вдали —
равнины, равнины.

Среди многоверстных равнин
скирды золотистого хлеба.
И небо...
Один.

Внимаешь с тоской

обвеянный жизнью давней,
как шепчется ветер с листвою,
как хлопает сорванной ставней.

Июнь 1903

Серебряный Колодезь

Сельская картина

М. А. Эртелю

Сквозь зелень воздушность одеда
их пологом солнечных пятен.
Старушка несмело
шепнула: «День зноен, приятен...»

Девушка
клубнику варила средь летнего жара.
Их лица
омыло струею душистого пара.

В морщинах у старой змеилась
как будто усмешка...

В жаровне искрилась,
дымя, головешка.

Зефир пролетел тиховейный...

Кудрявенький мальчик
в пикейной
матроске к лазури протягивал пальчик:
«Куда полетела со стен ты,
зеленая мушка?»»

Чепца серебристого ленты,
вспотев, распускала старушка.

Чирикнула птица.

В порыве бескрылом
девица
грустила о миллом.
Тяжелые косы,
томясь, через плечи она перекинула разом.

Звонящие, желтые осы
кружились над стынувшим тазом.

Девица за ласточкой вольной
следила завистливым оком,
грустила невольно
о том, что разлучены роком.
Вдруг что-то ей щечку ужалило больно —
она зарыдала,
сорвавши передник...
И щечка распухла.

Варенье убрали на ледник,
жаровня потухла.

Диск солнца пропал над лесною опушкой,
ребенка лучом искрометным целуя.

Ребенок гонялся
за мушкой
среди кашек.
Метался,
танцуя,
над ним столб букашек.

И вот дуновенье
струило прохладу
волною.
Тоскливое пенье
звучало из тихого саду.

С распухшей щекою
бродила мечтательно дева.
Вдали над ложбиной —
печальный, печальный —
туман поднимался к нам призраком длинным.

Из птичьего зева
забил над куртиной
фонтанчик хрустальный,
пронизанный златом рубинным.

Средь розовых шапок левкоя
старушка тонула забытым мечтаньем.
И липы бывшее
почтили вздыханьем.
Шептала
старушка: «Как вечер приятен!»

И вот одевала
заря ее пологом огненных пятен.

1904

Москва

Воспоминание

Посвящается Л.Д. Блок

Задумчивый вид:
Сквозь ветви сирени
сухая известка блестит
запущенных барских строений.

Всё те же стоят у ворот
чугунные тумбы.
И нынешний год
всё так же разбитые клумбы.

На старом балкончике хмель
по ветру качается сонный,
да шмель
жужжит у колонны.

Весна.
На кресле протертом из ситца
старушка глядит из окна.
Ей молодость снится.

Всё помнит себя молодой —
как цветиком ясным, лилейным
гуляла весной
вся в белом, в кисейном.

Он шел позади,
шепча комплименты.
Пылали в груди
ее сантименты.

Садилась, стыдясь,
она вон за те клавикорды.
Ей в очи, смеясь,
глядел он, счастливый и гордый.

Зарей потянуло в окно.
Вздохнула старушка:
«Всё это уж было давно!...»
Стенная кукушка,

хрипя,
кричала.
А время, грустя,
над домом бежало, бежало...

Задумчивый хмель
качался, как сонный,
да бархатный шмель
жужжал у колонны.

1903

Москва

Отставной военный

Вот к дому, катя по аллеям,
с нахмуренным Яшкой —
с лакеем,
подъехал старик, отставной генерал с деревяшкой.

Семейство,
чтя русский
обычай, вело генерала для винного действия
к закуске.

Претолстый помещик, кутивший сигару,
напаяливший в полдень поддевку,

среди жару
пил с гостем вишневку.

Опять вдохновенный,
рассказывал, в скатерть рассеянно тыча окурков,
военный
про турок:
«Приехали в Яссы...
Приблизились к Турции...»
Вились вокруг террасы
цветы золотые настурции.

Взирая
на девку блондинку,
на хлеб полагая
сардинку,
кричал
генерал:
«И под хохот громовый
проснувшейся пушки
ложились костями батальоны...»

В кленовой
аллее носились унылые стоны
кукушки.

Про душную страду
в полях где-то пели
так звонко.

Мальчишки из саду
сквозь ели,
крича, выгоняли теленка.

«Не тот, так другой
погибал,
умножались
могилы», —
кричал,
от вина огневой.
Наливались
на лбу его синие жилы.

«Нам страх был неведом...
Еще на Кавказе сжигали аул за аулом...»

С коричневым пледом
и стулом
в аллее стоял,
дожидаясь,
надутый лакей его, Яшка.

Спускаясь
с террасы, военный по ветхим ступеням стучал
деревяшкой.

1904

Москва

Незнакомый друг

Посвящается П.Н. Батюшкову

I

Мелькают прохожие, санки...
Идет обыватель из лавки
весь бритый, старинной осанки...
Должно быть, военный в отставке.
Калошей стучит по панели,
мальчишкам мигает со смехом
в своей необъятной шинели,
отделанной выцветшим мехом.

II

Он всюду, где жизнь, – и наемни
Я встретил его у обедни.
По церкви ходил он с тарелкой...
Деньгою позвякивал мелкой...
Все знают про замысел вражий,
он мастер рассказывать страсти...
Дьячки с ним дружатся – и даже

квартильные Пресненской части.
В мясной ему все без прибавки —
Не то что другим – отпускают...
И с ним о войне рассуждают
хозяева ситцевой лавки...

Приходит, садится у окон
с улыбкой, приветливо ясный...
В огромный фулярово-красный
сморкается громко платок он.
«Китаец дерется с японцем...
В газетах об этом писали...
Ох, что ни творится под солнцем...
Недавно... купца обокрали»...

III

Холодная, зимняя вьюга.
Безрадостно-темные дали.
Ищу незнакомого друга,
исполненный вечной печали...

Вот яростно с крыши железной
рукав серебристый взметнулся,
как будто для жалобы слезной
незримый в хаосе проснулся, —
как будто далекие трубы

Оставленный всеми, как инок,
стоит он средь бледных снежинок,
подняв воротник своей шубы...

IV

Как часто средь белой метели,
детей провожая со смехом,
бродил он в старинной шинели,
отделанной выцветшим мехом...

1903

Москва

Весна

Всё подсохло И почки уж есть.
Зацветут скоро ландыши, кашки.
Вот плывут облачка, как барашки.
Громче, громче весенняя весть.

Я встревожен назойливым писком:
Подткнувшись, ворчливая Фекла,
нависая над улицей с риском,
протирает оконные стекла.

Тут известку счищают ножом...
Тут стаканчики с ядом... Тут вата...
Грудь апрельским восторгом объята.
Ветер пылью крутит за окном.

Окна настежь – и крик, разговоры,
и цветочный качается стебель,
и выходят на двор полотеры
босиком выколачивать мебель.

Выполз кот и сидит у корытца,
умывается бархатной лапкой.
Вот мальчишка в рубашке из ситца,
пробежав, запустил в него бабкой.

В небе свет предвечерних огней.
Чувства снова, как прежде, огнисты.
Небеса все синей и синей,
Облачка, как барашки, волнисты.

В синих далях блуждает мой взор.
Все земные стремленья так жалки...
Мужичонка в опорках на двор
с громом ввозит тяжелые балки.

1903

Москва

Из окна

Гляжу из окна я вдоль окон:
здесь – голос мне слышится пылкий
и вижу распущенный локон...
Там вижу в окне я бутылки...

В бутылках натыкана верба.
Торчат ее голые прутья.
На дворике сохнут лоскутья...
И голос болгар иль серба

гортанный протяжно рыдает...
И слышится. «Шум на Марица...»
Сбежались А сверху девица
с деньгою бумажку бросает.

Утешены очень ребята
прыжками цепной обезьянки.
Из вечно плаксивой Травьяты
мучительный скрежет шарманки.

Посмотришь на даль – огороды
мелькнут перед взором рядами,
заводы, заводы, заводы!..
Заводы блестят уж огнями.

Собравшись пред старым забором,
портные расселись в воротах.
Забыв о тяжелых заботах,
орут под гармонику хором.

1903

Свидание

На мотив из Брюсова

Время плетется лениво.
Всё тебя нету да нет.

Час простоял терпеливо.
Или больна ты, мой свет?

День-то весь спину мы гнули,
а к девяти я был здесь...

Иль про меня что шепнули?..
Тоже не пил праздник весь...

Трубы гремят на бульваре.
Пыль золотая летит.

Франтик в истрепанной паре,
знать, на гулянье бежит.

Там престарелый извозчик
парня в участок везет.

Здесь оборванец разносчик
дули и квас продает.

Как я устал, поджидая!..
Злая, опять не пришла...

Тучи бледнеют, сгорая,
Стелется пыльная мгла.

Вечер Бреду одиноко.
Тускло горят фонари.

Там... над домами... далеко
узкая лента зари.

Сердце сжимается больно.
Конка протяжно звенит.

Там... вдалеке... колоколья
образом темным торчит.

Кошмар среди бела дня

Солнце жжет Вдоль тротуара
под эскортом пепиньерок
вот идет за парой пара
бледных, хмурых пансионеров.

Цепью вытянулись длинной,
идут медленно и чинно —
в скромных, черненьких ботинках,
в снежно-белых пелеринках...

Шляпки круглые, простые,
заплетенные косицы —
точно все не молодые,
точно старые девицы.

Глазки вылупили глупо,
спины вытянули прямо.
Взглядом мертвым, как у трупа,
смотрит классная их дама.
«Mademoisell Nadine, tenez voue
Droit»¹... И хмурит брови строже.
Внемлет скучному напеву
обернувшийся прохожий...

¹ Мадемуазель Надин, держитесь прямо (*фр.*)

Покачает головою,
удивленно улыбаясь...
Пансион ползет, змеею
между улиц извиваясь.

1903

Москва

На окраине города

Был праздник: из мглы
неслись крики пьяниц.
Домов огибая углы,
бесшумно скользил оборванец.

Зловещий и черный,
таская короткую лесенку,
забегал фонарщик проворный,
мурлыча веселую песенку.

Багрец золотых вечеров
закрыли фабричные трубы
да пепельно-черных домов
застывшие клубы.

1904

Образы

Великан

1

«Поздно уж, милая, поздно усни:
это обман...
Может быть, выпадут лучшие дни.

Мы не увидим их... Поздно... усни...
Это – обман».

Ветер холодный призывно шумит,
холодно нам...
Кто-то, огромный, в тумане бежит...

Тихо смеется. Рукою манит.
Кто это там?

Сел за рекою. Седой бородой
нам закивал
и запахнулся в туман голубой.

Ах, это, верно, был призрак ночной...
Вот он пропал.

Сонные волны бегут на реке.
Месяц встает.
Ветер холодный шумит в тростнике.

Кто-то, бездомный, поет вдалеке,
сонный поет.

«Всё это бредни... Мы в поле одни.
Влажный туман
нас, как младенцев, укроет в тени...

Поздно уж, милая, поздно. Усни.
Это – обман...»

Март 1901
Москва

2

Сергею Михайловичу Соловьеву

Бедные дети устали:
сладко заснули.
Сонные тополи в дали
горько вздохнули,

мучимы вечным обманом,
скучным и бедным...
Ветер занес их туманом
мертвенно-бледным.

Там великан одинокий,
низко согнувшись,
шествовал к цели далекой,
в плащ запахнувшись.

Как он, блуждая, смеялся
в эти минуты...
Как его плащ развевался,
ветром надутый.

Тополи горько вздохнули...
Абрис могучий,
вдруг набежав, затянули
бледные тучи.

3

Средь туманного дня,
созерцая минувшие грезы,
близ речного ручья
великан отдыхал у березы.

Над печальной страной
протянулись ненастные тучи.
Бесприютной главой
он прижался к березе плакучей.

Горевал исполин.
На челе были складки кручины.
Он кричал, что один,
что он стар, что немые години

надоели ему...
Лишь слышат громовые речи, —
точно встретив чуму,
все бегут и дрожат после встречи.

Он – почтенный старик,
а еще не видал теплой ласки.
Ах, он только велик...
Ах, он видит туманные сказки.

Облака разнесли
этот жалобный крик великана.
Говорили вдали:
«Это ветер шумит средь тумана».

Проходили века.
Разражались ненастные грозы.
На щеках старика

заблестали алмазные слезы.

4

Потянуло грозой.
Горизонт затянулся.
И над знойной страной
его плащ растянулся.

Полетели, клубясь,
грозно вздутые скалы.
Замелькал нам, искрясь,
из-за тучи платок его алый.

Вот плеснул из ведра,
грозно ухнув на нас для потехи:
«Затопить вас пора...»
А ужo всем влетит на орехи!»

Вот нога его грузным столбом
где-то близко от нас опустилась,
и потом
вновь лазурь просветилась.

«До свиданья! – кричал. —
Мы увидимся летними днями...»
В глубину побежал,

нам махнув своей шляпой с полями.

5

В час зари на небосклоне,
скрывши лик хитоном белым,
он стоит в своей короне
замком грозно-онемелым.

Солнце сядет. Всё притихнет.
Он пойдет на нас сердито.
Ветром дунет, гневом вспыхнет,
сетью проволок повитый

изумрудно-золотистых,
фиолетово-пурпурных.
И верхи дубов ветвистых
зашумят в движениях бурных.

Не успев нас сжечь огнями,
оглушить громовым ревом,
разорвется облаками
в небе темно-бирюзовом.

Не страшно

Боль сердечных ран,
и тоска растет.
На полях – туман
Скоро ночь сойдет.

Ты уйдешь, а я
буду вновь один...

И пройдет, грозя,
меж лесных вершин
великан седой:
закачает лес,
склон ночных небес
затенит бедой.

Страшен мрак ночной,
коли нет огня...

Посиди со мной,
не оставь меня!..

Буйный ветер спит.
Ночь летит на нас...

Сквозь туман горит

пара красных глаз —

страшен мрак ночной,
коли нет огня...

Посиди со мной,
не оставь меня!

Мне не страшно, нет...
Ты как сон... как луч...
Брызжет ровный свет
из далеких туч...

Надо спать... Всё спит...
Я во сне...
...Вон там
великан стоит
и кивает нам.

Май 1900

Москва

Поединок

Посвящается Эллису

1

Из дали грозной Тор воинственный
грохочет в тучах.
Пронес огонь – огонь таинственный
на сизых кручах.

Согбенный викинг встал над скатами,
над темным бором,
горел сияющими латами
и спорил с Тором.

Бродил по облачному городу,
трубил тревогу.
Вцепился в огненную бороду
он Тору-богу.

И ухнул Тор громовым молотом,
по латам медным,
обсыпав шлем пернатый золотом
воздушно-бледным:

«Швырну расплавленные гири я
с туманных башен...»
Вот мчится в пламени валькирия.
Ей бой не страшен.

На бедрах острый меч нащупала.
С протяжным криком
помчалась с облачного купола,
сияя ликом.

2

Ослепший викинг встал над скалами,
спаленный богом.
Трубит печально над провалами
загнутым рогом.

Сердитый Тор за белым глетчером
укрылся в туче.
Леса пылают ясным вечером
на дальней круче.

Извивы лапчатого пламени,
танцуя, блещут:
так клочья палевого знамени
в лазури плещут.

Октябрь 1903
Москва

Битва

В лазури проходит толпа исполинов на битву.
Ужасен их облик, всклокоченный, каменно-белый.

Сурово поют исполины седые молитву.
Бросают по воздуху красно-пурпурные стрелы.

Порою товарищ, всплеснув мировыми руками,
бессильно шатается, дружеских ищет объятий:
порою, закрывшись от стрел дымовыми плащами,
над телом склоняются медленно гибнущих братьев!..

.....

Дрожала в испуге земля от тяжелых ударов.
Метались в лазури бород снегоблещущих клоки
– и нет их. пронизанный тканью червонных пожаров,
плывет многобашенный город, туманно-далекий.

Июль 1903

Серебряный Колодезь

Пригвожденный ужас

Давно я здесь в лесу – искатель счастья.
В душе моей столетние печали.
Я весь исполнен ужасом ненастья.
На холм взошел, чтоб лучше видеть дали.

Глядит с руин в пурпурном карлик вещий
с худым лицом, обросшим белым мохом.
Торчит изломом горб его зловещий.
Сложив уста, он ветру вторит вздохом.

Так горестно, так жалобно вызывает:
«Усни, мечтатель жалкий, – поздно, поздно»...
Вампир пищит, как ласточка, шныряет
вокруг него безжизненно и грозно.

Ревут вершины в ликование бурном.
Погасли в тучах горные пожары.
Горбун торчит во мгле пятном пурпурным.
На горб к нему уселся филин старый...

Молился я... И сердце билось, билось.
С вампирным карлом бой казался труден...
Был час четвертый Небо просветилось.
И горизонт стал бледно-изумруден.

Я заклинал, и верил я заклятью.
Молил творца о счастье безбурном.
Увидел вдруг – к высокому распятью
был пригвожден седой вампир в пурпурном.

Я возопил восторженно и страстно:
«Заря, заря!... Вновь ужас обессилен!...»
И мне внимал распятый безучастно.
Вцепившись в крест, заплакал старый филин.

1903

На горах

Горы в брачных венцах.
Я в восторге и молод.
У меня на торах
очистительный холод.

Вот ко мне на утес
притащился горбун седовласый.
Мне в подарок принес
из подземных теплиц ананасы.

Он в малиново-ярком плясал,
прославляя лазурь.
Бородою взметал
вихрь метельно-серебряных бурь.

Голосил
низким басом.
В небеса запустил

ананасом.

И, дугу описав,
озаряя окрестность,
ананас ниспадал, просяив,
в неизвестность,

золотую росу
излучая столбами червонца.
Говорили внизу:
«Это – диск пламезарного солнца...»

Низвергались, звеня,
омывали утесы
золотые фонтаны огня —
хрусталя
заалевшего росы.

Я в бокалы вина нацедил
и, подкравшись боком,
горбуна окатил
светопенным потоком.

1903

Москва

Вечность

Шумит, шумит знакомым перезвоном
далекый зов, из Вечности возникший.
Безмирноблестная, увитая хитоном
воздушночерным, с головой поникшей
и с урной на плечах, глухим порывом
она скользит бесстрашно над обрывом.

Поток вспененный мчится
серебряной каймой.
И ей все то же снится
над бездной роковой.
Провалы, кручи, гроты
недвижимы, как сон.
Суровые пролеты
тоскующих времен.

Все ближе голос Вечности сердитой...
Оцепенев, с улыбкою безбурной,
с душой больной над жизнью разбитой —
над старой, опрокинутою урной —
она стоит у пропасти туманной
виденьем черным, сказкою обманной.

1902

Маг

В. Я. Брюсову

Я в свите временных потоков,
мой черный плащ мятежно рвущих.
Зову людей, ищу пророков,
о тайне неба вопиющих.

Иду вперед я быстрым шагом,
И вот – утес, и вы стоите
в венце из звезд упорным магом,
с улыбкой вещью глядите.

У ног веков нестройный рокот,
катясь, бунтует в вечном сне.
И голос ваш – орлиный клекот —
растет в холодной вышине.

В венце огня над царством скуки,
над временем вознесены —
застывший маг, сложивший руки,
пророк безвременной весны.

1903

Кентавр

Посвящается В.В. Владимирову

Был страшен и холоден сумрак ночной,

когда тебя встретил я, брат дорогой.
В отчаянье грозном я розы срывал
и в чаще сосновой призывно кричал:
«О где ты, кентавр, мой исчезнувший брат —
с тобой, лишь с тобою я встретиться рад!..
Напрасен призыв одичалой души:
Ведь ты не придешь из сосновой глуши».

И тени сгустились... И тени прошли...
Блеснуло кровавое пламя вдали...
Со светочем кто-то на слезы бежал,
копытами землю сырую взрывал.
Лукаво подмигивал. Взором блеснул
и длинные руки ко мне протянул:
«Здорово, товарищ... Я слышал твой зов...
К тебе я примчался из бездны веков».

Страданье былое, как сон, пронеслось.
Над лесом огнистое солнце зажглось.
Меж старых камней засиял ручеек.
Из красной гвоздики надел я венок.
Веселый кентавр средь лазурного дня
дождем забудок осыпал меня.

Весь день старый в золоте солнца играл,
зеленые ветви рукой раздвигал,
а ночью туманной простился со мной
и с факелом красным ушел в мир иной.
Я счастья не мог позабыть своего:

всё слышал раскатистый хохот его.

Июль 1901

Серебряный Колодезь

Игры кентавров

Кентавр бородатый,
мохнатый
и голый
на страже
у леса стоит.
С дубиной тяжелой
от зависти вражьей
жену и детей сторожит.

В пещере кентавриха кормит ребенка
пьянящим
своим молоком.
Шутливо трубят молодые кентавры над звонко
шумящим
ручьем.

Вскочивши один на другого,
копытами стиснувши спину,
кусают друг друга, заржав.
Согретые жаром тепла золотого,
другие глядят на картину,

а третьи валяются, ноги задрал.

Тревожно зафыркал старик, дубиной корнистой
взмахнув.

В лес пасмурно-мглистый
умчался, хвостом поседевшим вильнув.

И вмиг присмирели кентавры, оставив затеи,
и скопом,
испуганно вытянув шеи,
к пещере помчались галопом.

1903

Битва кентавров

Холодная буря шумит.
Проносится ревом победным.
Зарница беззвучно дрожит
мерцаньем серебряно-бледным.

И вижу – в молчанье немом
сквозь зелень лепечущих лавров
на выступе мшистом, крутом
немой поединок кентавров.

Один у обрыва упал,
в крови весь, на грунте изрытом.

Над ним победитель заржал
и бьет его мощным копытом.

Не внемлет упорной мольбе,
горит весь огнем неприязни.
Сраженный, покорный судьбе,
зажмурил глаза и ждет казни.

Сам вызвал врага и не мог
осилить стремительный приступ.
Под ними вспененный поток
шумит, разбиваясь о выступ...

Воздушно-серебряный блеск
потух. Все во мраке пропало.
Я слышал лишь крики да всплеск,
как будто что в воду упало.

.....

Холодная буря шумит.
Проносится ревом победным.
И снова зарница дрожит
мерцаньем серебряно-бледным.

Смотрю – колыхается лавр...
За ним удаленным контуром
над пенною бездной кентавр
стоит изваянием хмурым.

Под ним серебрится река.
Он взором блистает орлиным.
Он хлещет крутые бока
и спину хвостом лошадиным.

Он сбросил врага, и в поток
бессильное тело слетело.
И враг больше выплыть не мог,
и пена реки заалела.

Он поднял обломок скалы,
Чтоб кинуть в седую пучину.

.....

И нет ничего среди мглы,
объявшей немую картину.

Кругом только капли стучат.
Вздыхаешь об утре лазурном.
И слышишь, как лавры шумят
в веселье неслыханно бурном.

Апрель 1902
Москва

Песнь кентавра

Над речкой кентавр полусонный поет.
Мечтательным взором кого-то зовет.
На таре играет И струны звенят.
В безумных глазах будто искры горят.
В морщинах чела притаилась гроза.
На бледных щеках застывает слеза.
Вдали – точно Вечность. Все то же вдали.
Туманы синеют Леса залегли.
Уснет и проснется порыв буревой,
и кто-то заблещет, бездонно-немой.

Над речкой кентавр полусонный стоит.
В тревоге главу опустил и молчит.
Мечтатель со дна приподнялся реки,
раздвинув дрожащей рукой тростники.
И шепчет чуть слышно: «Я понял тебя...
Тоскую, как ты, я Тоскую, любя...
Безумно люблю и зову, но кого?
Не вижу, как ты, пред собой никого.
Учитель, учитель, мы оба в тоске —
бездонные волны на шумной реке...

Как ты, одинок я Ты робок, как я.
Учитель, учитель! Я понял тебя»...
Уснул и проснулся порыв буревой.

В волнах захлебнулся мечтатель речной.
Кентавр – хоть бы слово: в затишье гроза.
На бледных щеках застывает слеза.
Над речкой кентавр возмущенный зовет.
Уставшую землю копытами бьет.
Он вытянул шею. Он лиру разбил.
Он руки в безумстве своем заломил.
И крик его – дикое ржанье коня.
И взор его – бездна тоски и огня.
В волнах набегающих машет рукой
Двойник, опрокинутый вниз головой.

1902

Утро

1

Грядой пурпурной
проходят облачка все той же сменой.
В них дышит пламень.
Отхлынет прочь волна, разбившись бурной
шипучей пеной
о камень.

Из чащи вышедший погреться, фавн лесной,
смешной

и бородатый,
копытом бьет
на валуне
Поет
в волынку гимн весне,
наморщив лоб рогатый.

У ног его вздохнет
волна и моется
Он вдаль бросает взгляды.
То плечи, то рука играющей наяды
меж волн блеснет
и скроется...

2

В небе туча горит янтарем.
Мглой курится.
На туманном утесе забила крылом
белоснежная птица.

Водяная поет.
Волоса распускает.
Скоро солнце взойдет,
и она, будто сказка, растает.

И невольно грустит.

И в алмазах ресницы.
Кто-то, милый, кричит.
Это голос восторженной птицы.

Над морскими сапфирами рыбьим хвостом
старец старый трясет, грозовой и сердитый.
Скоро весь он рассеется призрачным сном,
желто-розовой пеной покрытый.

Солнце тучу перстом
огнезарным пронзило.
И опять серебристым крылом
эта птица забила.

1902

Москва

Пир

Поставил вина изумрудного кубки.
Накрыл я приборы Мои стол разукрашен.

Табачный угар из гигантовой трубки
на небе застыл в виде облачных башен.

Я чую поблизости поступь гиганта.
К себе всех зову я с весельем и злостью.

На пир пригласил горбуна-музыканта.
Он бьет в барабан пожелтевшею костью.

На мшистой лужайке танцуют скелеты
в могильных покровах неистовый танец.

Деревья листвою золотою одеты.
Меж листьев блистает закатный багрянец.

Пахучей гвоздикой мой стол разукрашен.
Закат догорел среди облачных башен.

Сгущается мрак... Не сидеть нам во мгле ведь?
Поставил на стол я светильников девять.

Пришел, нацепив ярко-огненный бант,
мастито присев на какой-то обрубок,

от бремени лет полысевший гигант
и тянет вина изумрудного кубок.

1902

Москва

Старинный друг

Посвящается Э.К. Метнеру

1

Старинный друг, к тебе я возвращался,
весь поседев от вековых скитаний.
Ты шел ко мне В твоей простертой длани
пунцовый свет испуганно качался.

Ты говорил: «А если гном могильный
из мрака лет нас разлучить вернется?»
А я в ответ «Суровый и бессильный,
уснул на веки Больше не проснется»...

К тебе я вновь вернулся после битвы.
Ты нежно снял с меня мой шлем двурогий.
Ты пел слова божественной молитвы.
Ты вел меня торжественно в чертоги.

Надев одежды пышно-золотые,
мы, старики, от счастья цепенели.
Вперив друг в друга очи голубые,
у очага за чашами сидели.

Холодный ветер раздувал мятежно
пунцовый жар и шелковое пламя.
Спокойно грелись... Затрепался нежно
одежды край, как золотое знамя.

Вдруг видим – лошади в уборе жалком
к чертогу тащат два железных гроба.
Воскресший гном кричит за катафалком:
«Уйдете вы в свои могилы оба»...

В очах сверкнул огонь смертельной муки.
Коротко было расставанье наше.
Мы осуши та праздничные чаши.
Мы побрели в гроба, сложивши руки.

2

Янтарный луч озолотил пещеры...
Я узнаю тебя, мой друг старинный!
Пусть между нами ряд столетий длинный,
в моей душе так много детской веры.

Из тьмы идешь, смеясь «Опять свобода,
опять весна, и та лее радость снится»
Суровый гном, весь в огненном, у входа
в бессильной злобе на тебя косится.

Вот мы стоим, друг другу улыбаясь...
Мы смущены все тем же тихом зовом.
С тревожным визгом ласточки, купаясь,
в эфире тонут бледно-бирюзовом.

О, этот крик из бездн, всегда родимый.
О друг, молчи, не говори со мною!..
Я вспомнил вновь завет ненарушимый,
волной омыт воздушно-голубою...

Вскочил, ногой стуча о крышку гроба,
кровавый карлик с мертвенным лицом:
«Все улетит. Все пронесется сном...
Вернетесь вы в свои могилы оба!»

И я очнулся... Старые мечтанья!..
Бесцелен сон о пробужденье новом.
Бесцельно жду какого-то свиданья.
Касатки тонут в небе бирюзовом.

3

Над гробом стоя, тосковал бездонно.
Пещера той же пастью мне зияла.
К провальной бездне мчащийся исконно,
поток столетий Вечность прогоняла.

Могильный гном, согнувшийся у входа,
оцепенев, дремал в смертельной скуке.
«О где ты, где, старинная свобода!»
Я зарыдал, крича, ломая руки,

порывом диким, трепетно-бескрылым,
с тупым отчаяньем безвинной жертвы.
И пронеслось шептаньем грустно-милым:
«Пройдут века, и ты восстанешь, мертвый...»

В гробах сквозь сон услышите вы оба
сигнальный рот, в лазури прогремевший.
Старинный друг придет к тебе из гроба,
подняв на солнце лик запламеневший».

Текла лазурь Поток столетий шаткий
в провалах темных Вечность прогоняла.
Дремавший гном уткнулся в покрывало.
Рвались по ветру огненные складки.

И я молчал, так радостно задетый
крылами черных, шелковых касаток.
Горели славой меркнувшие светлы.
Горел щита червонного остаток.

4

Старела Вечность Исполнялись сроки.
И тихо русла смерти иссякали.
Лазурные, бессмертные потоки
железные гробницы омывали.

Воздушность мчалась тканью вечно-пьяной.
Иисус Христос безвременной свечою
стоял один в своей одежде льняной,
обвитый золотистою парчою.

Чисто столетий в безднах роковое
бесследным вихрем в Вечность пролетело.
Его лицо янтарно-восковое
в лазурно-ясном счастье цепенело.

Две ласточки с любовным трепетаньем
уселися к Спасителю на плечи.
И он сказал «Летите с щебетаньем
в страну гробов – весенние предтечи»...

На тверди распластался, плача слезно,
пятном кровавым гном затрепетавший.
Христу вручил он смерти ключ железный,
услышав рог, в лазури прозвучавший.

5

Лежал в гробу, одетый в саван белый,
Гроб распахнулся Завизжала скоба.
Мне улыбался грустно-онемелый,
старинный друг, склонившийся у гроба.

Друг другу мы блаженно руки жали.
Мой друг молчал, бессмертьем осиянный.
Две ласточки нам в уши завизжали
и унеслись в эфир благоуханный.

Перекрестись, отправились мы оба
сквозь этот мир на праздник воскресенья.
И восставали мертвые из гроба.
И раздавалось радостное пенье.

Сияло небо золотой парчою.
Воздушность мчалась тканью вечно-пьяной.
Иисус Христос безвременной свечою
стоял вдали в одежде снежно-льняной.

1903

Возврат

Посвящается А.С. Петровскому

1

Я вознесен, судьбе своей покорный.
Над головой полет столетий быстрый.
Привольно мне в моей пещере горной.
Лазурь, темнея, рассыпает искры.

Мои друзья упали с выси звездной.
Забыв меня, они живут в низинах.
Кровавый факел я зажег над бездной.
Звездою дальней блещет на вершинах.

Я позову теперь к вершинам брата.
Пусть зазвучат им дальние намеки.
Мой гном, мой гном, возьми трубу возврата.
И гном трубит, надув худые щеки.

Вином волшебств мы встретим их, как маги.
Как сон, мелькнет поток столетий быстрый.
Подай им кубки пенно-пирной влаги,
в которой блещут золотые искры.

Колпак слетел, но гном трубит – ученый.
В провал слетели камни под ногою.
Трубою машет Плащ его зеленый
над бездною полощется седою.

Шепну тебе из стран обетованных
в долину скорби суждено уйти им...
Цветами, гном, осыпь гостей желанных,
зеленый плащ под ноги расстели им.

На пир бежит с низин толпа народу.
Стоит над миром солнца шар янтарный.
Таинственно протянутый к восходу,
на высях блещет жезл мой светозарный.

Подножье пира – льдистая вершина.
Пылает скатерть золотом червонца.
В сосудах ценных мировые вина:
вот тут – лазурь, а там – напиток солнца.

Одетый в плащ зари вечерне-темный
и в туфли изумрудные обутий,
идет мой гном, приветливый и скромный,
над головой держа свой рот загнутый.

Он жемчуга дарит, как поцелуи,
то здесь, то там тяжелый рог нагнувши,
журчащие, ласкающие струи
между собой и гостем протянувши.

Меж них хожу в небесно-бледной тоге.
То здесь, то там мелькает жезл волшебный.
«Друзья, пируйте – будете как боги»,
то там, то здесь твержу: «Мой стол – целебный.

До ночи мы пробудем на высотах.
А ночью, взяв пунцовые лампы,
отправимся в таинственные гроты,
где выход нам завесят водопады».

Венчая пир, с улыбкой роковой
вкруг излучая трепет светозарный,
мой верный гном несет над головою
на круглом блюде солнца шар янтарный.

3

В очах блеснул огонь звериной страсти.
С налитыми, кровавыми челами
разорванные солнечные части
сосут дрожаще-жадными губами.

Иной, окончив солнечное блюдо,
за лишний кус ведет глумливо торги.
На льду огнисто-блещущей грудой
отражена картина диких оргий.

Я застил свет во гневе. Тенью длинной
легла на них моей одежды лопасть.
Над головою Вечностью старинной,
бездонно-темной, разверзалась пропасть.

Безмолвно ждал я алчущего брата,
в толпе зверей ища высот намеки...
Мой гном, мой гном, возьми трубу возврата!..
И гном трубит, надув худые щеки.

Идите прочь!.. И ужасом безумным
объятые, спускаются в провалы.
Сорвавши плащ, в негодование шумном
мой верный гном им вслед бросает скалы.

Лазурь, темнея, рассыпает искры...
Ряд льдистых круч блестит грядой узорной.
Я вновь один в своей пещере горной.
Над головой полет столетий быстрый.

1903

УЖ ЭТОТ СОН МНЕ СНИЛСЯ

Посвящается А.П. Печковскому

На бледно-белый мрамор мы склонились
и отдыхали после долгой бури.
Обрывки туч косматых проносились.
Сияли пьяные куски лазури.
В заливе волны жемчугом разбились.

Ты грезила. Прохладой отдувало

сквозное золото волос душистых.
В волнах далеких солнце утопало.
В слезах вечерних, бледно-золотистых,
твое лицо искрилось и сияло.

Мы плакали от радости с тобою,
к несбыточному счастью проснувшись.
Среди лазури огненной бедою
опять к нам шел скелет, блестя косою,
в малиновую тогу запахнувшись.

Опять пришел он. Над тобой склонился.
Опять схватил тебя рукой костлявой.
Тут ряд годов передо мной открылся...
Я закричал: «Уж этот сон мне снился!...»
Скелет веселый мне кивнул лукаво.

И ты опять пошла за ним в молчанье.
За холм скрываясь, на меня взглянула,
сказав: «Прощай, до нового свиданья»...
И лишь коса в звенящем трепетанье
из-за холма, как молния, блеснула.

У ног моих вал жемчугом разбился.
Сияло море пьяное лазури.
Туманный клочок в лазури проносился.
На бледно-белый мрамор я склонился
и горевал, прося грозы и бури.

Да, этот сон когда-то мне уж снился.

1902

Преданье

Посвящается С.А. Соколову

1

Он был пророк.
Она – сибилла в храме.
Любовь их, как цветок,
горела розами в закатном фимиаме.

Под дугами его бровей
сияли взгляды
пламенно-святые.
Струились завитки кудрей —
вина каскады
пенно-золотые.

Как облачко, закрывшее лазурь,
с пролетами лазури
и с пепельной каймой —
предтеча бурь —
ее лицо, застывшее без бури,

волос омытое волной.

Сквозь грозы
и напасти
стремились, и была в чертах печальных
нега.
Из багряницы роз многострадальных
страсти
творили розы
снега.

К потокам Стикса приближались.
Их ветер нежил, белыми шелками
вея, —
розовые зори просветлялись
жемчугами —
умирали, ласково бледнея.

2

На башнях дальних облаков
ложились мягко аметисты.
У каменистых берегов
челнок качался золотистый.

Диск солнца грузно ниспадал,
меж тем как плакала сибилла.

Средь изумрудов мягко стлал
столбы червонные берилла.

Он ей сказал: «Любовью смерть
и смертью страсти победивший,
я уплыву, и вновь на твердь
сойду, как бог, свой лик явивший».

Сибилла грустно замерла,
откинув пепельный свой локон.
И ей надел поверх чела
из бледных ландышей венок он.

Но что их грусть перед судьбой!
Подул зефир, надулся парус,
помчался челн и за собой
рассыпал огневой стеклярус.

3

Тянулись дни. Он плыл и плыл.
От берегов далеких Стикса,
всплывая тихо, месяц стыл
обломком матовым оникса.

Чертя причудливый узор,
лазурью нежною сквозили

стрекозы бледные. И взор
хрустальным кружевом повили.

Вспенял крылатый, легкий челн
водоворот фонтанно-белый.
То здесь, то там средь ясных волн
качался лебедь онемелый.

И пряди длинные кудрей,
и бледно-пепельные складки
его плаща среди зыбей
крутил в пространствах ветер шаткий.

4

И была временем волна.
Прошли года. Под сенью храма
она состарилась одна
в столбах лазурных фимиама.

Порой, украсивши главу
венком из трав благоуханных,
народ к иному божеству
звала в глаголах несказанных.

В закатный час, покинув храм,
навстречу богу шли сибиллы.

По беломраморным щекам
струились крупные бериллы.

И было небо вновь пьяно
улыбкой брачною закатов.
И рдело золотом оно
и темным пурпуром гранатов.

5

Забыт теперь, разрушен храм,
И у дорической колонны,
струя священный фимиам,
блестит росой шиповник сонный.

Забыт алтарь. И заплетен
уж виноградом дикий мрамор.
И вот навеки иссечен
старинный лозунг «Sanctus amor».

И то, что было, не прошло...
Я там стоял оцепенелый.
Глядясь в дрожащее стекло,
качался лебедь сонный, белый.

И солнца диск почил в огнях.
Плясали бешено на влаге, —

на хризолитовых струях
молниеносные зигзаги.

«Вернись, наш бог», – молился я,
и вдалеке белелся парус.
И кто-то, грустный, у руля
рассыпал огненный стеклярус.

Ноябрь 1903
Москва

Гном

1

Вихрь северный злился,
а гном запоздалый
в лесу приютился,
надвинув колпак ярко-алый.

Роптал он: «За что же,
убитый ненастьем,
о Боже,
умру – не помянут участием!»

Чредою тягучей
года протекали.

Морщились тучи.
И ливни хлестали.

Всё ждал, не повеет ли счастьем.
Склонился усталый.
Качался с участием
колпак ярко-алый.

2

Не слышно зловещего грома.
Ненастье прошло – пролетело.
Лицо постаревшего гнома
в слезах заревых огневело.

Сказал он «Довольно, довольно...»
В лучах борода серебрилась.
Сказал – засмеялся невольно,
улыбкой лицо просветилось.

И вот вдоль заросшей дороги
Неслась песнь старинного гнома:
«Несите меня, мои ноги,
домой, заждались меня дома».

Так пел он, смеясь сам с собою.
Лист вспыхнул сияньем червонца.

Блеснуло прощальной каймою
зеркальное золото солнца.

1902

Серенада

Посвящается П.Н. Батюшкову

Ты опять у окна, вся доверившись снам, появилась...
Бирюза, бирюза
заливает окрестность...
Дорогая,
луна – заревая слеза —
где-то там в неизвестность
скатилась.

Беспечальных седых жемчугов
поцелуй, о пойми ты!..
Меж кустов, и лугов, и цветов
струй
зеркальных узоры разлиты...

Не тоскуй,
грусть уйми ты!

Дорогая,
о пусть

стая белых, немых лебедей
меж росистых ветвей
на струях серебристых застыла —
одинокая грусть нас туманом покрыла

От тоски в жажде снов нежно крыльями плещут.
Меж цветов светляки изумрудами блещут.

Очерк белых грудей
на струях точно льдина.

это семь лебедей,
это семь лебедей Лоэнгрина —

лебедей
Лоэнгрина

Март 1904

Москва

Одиночество

Сирий убогий в пустыне бреду.
Все себе кров не найду.
Плачу о дне.
Плачу... Так страшно, так холодно мне.

Годы проходят. Приют не найду.

Сирий иду.

Вот и кладбище... В железном гробу
чью-то я слышу мольбу.

Мимо иду...

Стонут деревья в холодном бреду...

Губы бескровные шепчут мольбу...
Стонут в гробу.

Жизнь отлетела от бедной земли.
Темные тучи прошли.
Ветер ночной
рвет мои кудри рукой ледяной.

Старые образы встали вдали.
В Вечность ушли.

Апрель 1900
Москва

Утешение

Скрипит под санями сверкающий снег.
Как внятен собак замирающий бег...

Как льдины на море, сияя, трещат...
На льдинах, как тени, медведи сидят...

Хандру и унынье, товарищ, забудь!..
Полярное пламя не даст нам уснуть...

Вспомянем, вспомянем былую весну...
Прислушайся – скальды поют старину...

Их голос воинственный дик и суров...
Их шлемы пернатые там, меж снегов,

зажженные светом ночи ледяной...
Бесследно уходят на север родной.

1901

Жизнь

Посвящается Г.К. Балтрушайтису

1

Сияя перстами, заря рассветала
над морем, как ясный рубин.
Крылатая шхуна вдали утопала.
Мелькали зубцы белых льдин.

Душа молодая просила обмана.

Слеза нам туманила взор.
Бесстрашно отчалил средь хлопьев тумана
от берега с песней помор.

Мы сдвинули чащи, наполнив до краю
душистым, янтарным вином.
Мы плакали молча, о чем, я не знаю.
Нам весело было вдвоем.

2

Года проходили... Угрозой седую
полярная ночь шла на нас.
Мы тихо прощались с холодной зарею
в вечерний, тоскующий час.

Крылатая шхуна в туман утопала,
качаясь меж водных равнин.
Знакомым пятном равнодушно сияла
стена наплывающих льдин...

Старушка, ты робко на друга взглянула, —
согбенный, я был пред тобой.
Ты, прошлое вспомнив, тихонько вздохнула,
поникла седой головой.

Я глухо промолвил: «Наполним же чаши...
Пусть сердце забьется опять...
Не мы, так другие, так правнуки наши
зарю будут с песней встречать...

Пуškai же охватит нас тьмы бесконечность —
сжимается сердце твое?
Не бойся: засветит суровая Вечность
полярное пламя свое!..»

Знакомую песню вдали затянули.
Снежинки мелькали кругом.
Друг другу в глаза мы с улыбкой взглянули...
Наполнили чашу вином.

Июль 1901

Серебряный Колодезь

Тоска

Вот на струны больные, скользнувши, упала слеза.
Душу грусть обуяла.
Все в тоске отзвучало.
И темны небеса.

О Всевышний, мне грезы, мне сладость забвенья подай.
Безнадежны моления.
Похоронное пенье
наполняет наш край.

Кто-то Грустный мне шепчет, чуть слышно вздыхая
«Покой»...
Свищет ветер, рыдая...
И пою, умирая,
от тоски сам не свой...

1903

Один

Посвящается Сергею Львовичу Кобылинскому

Окна запотели.
На дворе луна.
И стоишь без цели
у окна.

Ветер Никнет, споря,
ряд седых берез.
Много было горя...
Много слез...

И встает невольно
скучный ряд годин.
Сердцу больно, больно...
Я один.

Декабрь 1900
Москва

Осень

Пролетела весна.
Лес багрянцем шумит.
Огневая луна
из тумана глядит.

Или вспомнила вновь
ты весенние дни,
молодую любовь,
заревые огни?

Пролетела весна —
вечно горький обман...
Побледнела луна.
Серебрится туман.

Отвернулась... Глядишь
с бесконечной тоской,
как над быстрой рекой

покачнулся камыш.

1901

Москва

Грезы

Кто ходит, кто бродит за прудом в тени?..
Седые туманы вздыхают.

Цветы, вспоминая минувшие дни,
холодные слезы роняют.

О сердце больное, забудься, усни...
Над прудом туманы вздыхают.

Кто ходит, кто бродит на той стороне
за тихой, зеркальной равниной?..

Кто плачет так горько при бледной луне,
кто руки ломает с кручиной?

Нет, нет... Ветерок пробежал в полусне...
Нет... Стелится пар над трясиной...

О сердце больное, забудься, усни...
Там нет никого... Это – грезы...

Цветы, вспоминая минувшие дни,
роняют холодные слезы...

И только в свинцовых туманах они —
грядущие, темные грозы...

Январь 1899

Москва

Северный марш

Ты горем убит,
измучен страданием —
Медведица в небе горит
бесстрастным сияньем.

Вся жизнь — лишь обман,
а в жизни мы гости...
Метель набросает курган
на старые кости.

Снеговой шатер
протянется скучно...
На небе огнистый костер
заблещет беззвучно.

Алмазом сверкнет
покров твой морозный.

Медведь над могилой пройдет
походкою грозной.

Тоскующий вой
в сугробах утонет.
Под льдистой, холодной броней
вдруг кто-то застонет.

Июль 1901

Серебряный Колодезь

Кладбище

Осенне-серый меркнет день.
Вуалью синей сходит тень.
Среди могил, где все – обман,
вздыхая, стелится туман.
Береза желтый лист стряхнет.
В часовне огонек блеснет.
Часовня заперта. С тоской
там ходит житель гробовой.
И в стекла красные глядит,
и в стекла красные стучит.

Умерший друг, сойди ко мне:
мы помечтаем при луне,
пока не станет холодна
кроваво-красная луна.

В часовне житель гробовой
к стеклу прижался головой...
Кроваво-красная луна
уже печальна и бледна...

Ноябрь 1898

Москва

Багряница в терниях

Разлука

1

Мы шли в полях. Атласом мягким рвало
одежды наши в дуновение пьяном.
На небесах восторженно пылало
всё в золоте лиловом и багряном.

Я волновался страстно и мятежно.
Ты говорил о счастье бытия.
Твои глаза так радостно, так нежно
из-под очков смотрели на меня.

Ты говорил мне: «Будем мы, как боги,
над миром встанем... Нет, мы не умрем».
Смеялись нам лазурные чертоги,
озарены пурпуровым огнем.

Мы возвращались... Ты за стол садился.
Ты вычислял в восторге мировом.
В твоё окно поток червонцев лился,

ложился на пол золотым пятном.

2

Вот отчетливо спит в голубом
контур башни застывший и длинный.
Бой часов об одном
неизменно-старинный.

Так недавно бодрил ты меня,
над моею работой вздыхая,
среди яркого дня
раскаленного мая.

Знал ли я, что железный нас рок
разведет через несколько суток...
Над могилой венок
голубых незабудок.

Не замочет поток долгих лет
мое вечное, тихое горе.
Ты не умер – нет, нет!..
Мы увидимся вскоре.

На заре черных ласточек лёт.
Шум деревьев и грустный, и сладкий...
С легким треском мигнет

огонечек лампадки.

Закивает над нами сирень...
Не смутит нас ни зависть, ни злоба...
И приблизится день —
день восстаний из гроба.

3

За опустевший стол я вновь садился.
Тоскуя, думал, думал об одном.
В твоё окно поток червонцев лился,
ложился на пол золотым пятном...

Казалось мне, что ты придёшь из сада
мне рассказать о счастье бытия...
И я шептал: «Тебя, тебя мне надо...
О, помолись! О, не забудь меня!..

Я вечно жду... Сегодня ты мне снился!..
О жизнь, промчись туманно-грустным сном!»
Я долго ждал... Поток червонцев лился
в твоё окно сияющим пятном.

«Могилу их украсили венками...»

Незабвенной памяти М.С. и О.М. Соловьевых

Могилу их украсили венками.
Вокруг без шапок мы в тоске стояли.
Восторг снегов, крутящийся над нами,
в седую Вечность вихри прогоняли.

Последний взмах бряцавшего кадила.
Последний вздох туманно-снежной бури.
Вершину ель мечтательно склонила
в просвете ослепительной лазури.

1903

Москва

Св. Серафим

Посвящается Нине Петровской

Плачем ли тайно в скорбях,
грудь ли тоскою теснима —
в яснонемых небесах
мы узнаем Серафима.

Чистым атласом пахнет,
в небе намотанном.
Облаком старец сойдет,
нежно разметанным.

«Что с тобой, радость моя, —
радость моя?..»

Смотрит на нас
ликом туманным, лилейным.
Бледно-лазурный атлас
в снежно-кисейном.

Бледно-лазурный атлас
тихо целует.
Бледно-лазурный атлас
в уши нам дует:

«Вот ухожу в тихий час...
Снова узнаете горе вы!..»
С высей ложится на нас
отблеск лазоревый.

Легче дышать
после таинственных знамений.
Светит его благодать
тучкою алого пламени.

1903?

Владимир Соловьев

Посвящается М.С. Соловьеву

Задохлись мы от пошлости привычной.
Ты на простор нас звал.
Казалось им – твой голос необычный
безумно прозвучал.

И вот, когда надорванный угас ты
над подвигом своим,
разнообразные, бессмысленные касты
причили тебя к своим.

В борьбе с рутиною свои потратил силы,
но не разрушил гнет...
Пусть выюга снежная венки с твоей могилы
с протяжным стоном рвет.

Окончилась метель. Не слышен голос злобы.
Тиха ночная мгла.
Над гробом выюга белые сугробы
с восторгом намела.

Тебя не поняли... Вон там сквозь сумрак шаткий
пунцовый свет дрожит.

Спокойно почивай: огонь твоей лампадки
мне сумрак озарит.

1903

Москва

Ожидание

Посвящается С.М. Соловьеву

Как невозвратная мечта,
сверкает золото листа.

Душа полна знакомых дум.
Меж облетающих аллей
призывно-грустный, тихий шум
о близости священных дней.

Восток печальный мглой объят.
Над лесом, полные мечты,
благословенные персты
знакомым заревом стоят.

Туманный, красно-золотой
на нас блеснул вечерний луч
безмирно-огненной струей
из-за осенних, низких туч.

Душе опять чего-то жаль.
Сырым туманом сходит ночь.
Багряный клен, кивая вдаль,
с тоской отсюда рвется прочь.

И снова шум среди аллей
о близости священных дней.

Август 1901

Серебряный Колодезь

Призыв

Памяти М.С. Соловьева

Призывно грустный шум ветров
звучит, как голос откровений.
От покосившихся крестов
на белый снег ложатся тени.

И облако знакомых грез
летит беззвучно с вестью милой.
Блестя сквозь ряд седых берез,
лампада светит над могилой

пунцово-красным огоньком.
Под ослепительной луною
часовня белая, как днем,

горит серебряной главою.

Там... далеко... среди равнин
старинный дуб в тяжелой муке
стоит затерян и один,
как часовой, подъявший руки.

Там, далеко... в полях шумит
и гонит снег ночная выюга...
И мнится – в тишине звучит
давно забытый голос друга...

Старинный дуб порой вздохнет
с каким-то тягостным надрывом...
И затрепещет, и заснет
среди полей глухим порывом.

1903

Москва

Знаю

Посвящается О.М. Соловьевой

Пусть на рассвете туманно
знаю – желанное близко...
Видишь, как тает неожиданно
Образ вдали василиска?

Пусть все тревожно и странно...

Пусть на рассвете туманно
знаю – желанное близко.

Нежен восток побледневший.
Знаешь ли – ночь на исходе?
Слышишь ли – вздох о свободе —
вздох ветерка улетевший —
весть о грядущем восходе?

Спит кипарис онемевший.
Знаешь ли – ночь на исходе?
Белые к сердцу цветы я
вновь прижимаю невольно.

Эти мечты золотые,
эти улыбки святые
в сердце вонзаются больно...

Белые к сердцу цветы я
вновь прижимаю невольно.

Август 1901

Возмездие

Посвящается Элису

1

Пусть вокруг свищет ветер сердитый,
облака проползают у ног.
Я блуждаю в горах, – позабытый,
в тишине замолчавший пророк.

Горький вздох полусонного кедра.
Грустный шепот» «Неси же свой крест...»
Черный бархат истыкан так щедро
бесконечностью огненных звезд.

Великан, запахнувший в тучу,
как утес, мне грозитя сквозь мглу.
Я кричу, что осилю все кручи,
не отдам себя в жертву я злу.

2

И всё выше и выше всхожу я.
И всё легче и легче дышать.
Крутизны и провалы минуя,
начинаю протяжно зывать.

Се, кричу вдохновенный и дикий:

«Иммануил грядет! С нами Бог!»
Но оттуда, где хаос великий,
раздается озлобленный вздох.

И опять я подкошен кручиной.
Еще радостный день не настал.
Слишком рано я встал над низиной,
слишком рано я к спящим воззвал.

И бегут уж с надеждою жгучей
на безумные крики мои,
но стою я, как идол. над кручей,
раздирая одежды свои.

3

Там... в низинах... ждут с верой денницу.
Жизнь мрачна и печальна, как гроб.
Облеките меня в багряницу!
Пусть вонзаются тернии в лоб.

Острым тернием лоб увенчайте!
Обманул я вас песнью своей.
Распинайте меня, распинайте.
Знаю жаждете крови моей.

На кресте пригвожден. Умираю.

На щеках застывает слеза.
Кто-то, Милый, мне шепчет: «Я знаю»,
поцелуем смыкает глаза.

Ах, я знаю – среди образов горных
пропадет сиротливой мечтой,
лишь умру, – стоя воронов черных,
что кружилась всю жизнь надо мной.

Пригвожденный к кресту, умираю.
На щеках застывает слеза.
Кто-то, Милый, мне шепчет: «Я знаю».
Поцелуем смыкает уста.

4

Черный бархат, усеянный щедро
миллионами огненных звезд.
Сонный вздох одинокого кедра.
Тишина и безлюдье окрест.

Октябрь 1901

Москва

Безумец

Посвящается А.С. Челищеву

1

«Вы шумите. Табачная гарь
дымно-синие стелет волокна.
Золотой мой фонарь
зажигает лучом ваши окна.

Это я в заревое стекло
к вам стучусь в час вечерний.
Снеговое чело
разрывают, вонзаясь, иглы терний.

Вот скитался я долгие дни
и тонул в предвечерних туманах.
Изболевшие ноги мои
в тяжких ранах.

Отворяют. Сквозь дымный угар
задают мне вопросы.
Предлагают, открыв портсигар,
папиросы.

Ах, когда я сижу за столом
и, молясь, замираю
в неземном,
предлагают мне чаю...

О, я полон огня.
предо мною виденья сияют...
Неужели меня
никогда не узнают?..»

2

Помним всё. Он молчал,
просиявший, прекрасный.
За столом хохотал
кто-то толстый и красный.

Мы не знали тогда ничего.
От пирушки в восторге мы были.
А его,
как всегда, мы забыли.

Он, потупясь, сидел
с робким взором ребенка.
Кто-то пел
звонко.

Вдруг
он сказал, преисполненный муки,
побеждая испуг,
взявши лампу в дрожащие руки:

«Се дарует нам свет
Искупитель,
я не болен, нет, нет:
я – Спаситель...»

Так сказал, наклонил
он свой так многодумный...
Я в тоске возопил:
«Он – безумный».

3

Здесь безумец живет.
Среди белых сиреней.
На террасу ведет
ряд ступеней.

За ограду на весь
прогуляться безумец не волен...
Да, ты здесь!
Да, ты болен!

Втихомолку, сметной
кто-то вышел в больничном халате,
сам не свой,
говорит на закате.

Грусть везде...
усмиренный, хороший,
пробираясь к воде,
бьет в ладоши.

Что ты ждешь у реки,
еле слышно колебля
тростники,
горьких песен зеленого стебля?

Что, в зеркальность глядясь,
бьешь в усталую грудь ты тюльпаном?
Всплеск, круги... И, смеясь,
утопает, закрытый туманом.

Лишь тюльпан меж осоки лежит
весь измятый, весь алый...
Из больницы служитель бежит
и кричит, торопясь, запоздалый.

Март 1904

Москва

Жертва вечерняя

Стоял я дураком
в венце своем огнистом,
в хитоне золотом,
скрепленном аметистом —
один, один, как столб,
в пустынях удаленных, —
и ждал народных толп
коленопреклоненных...
Я долго, тщетно ждал,
в мечту свою влюбленный...
На западе сиял,
смарагдом окаймленный,
мне палевый привет
потухшей чайной розы.
На мой зажженный свет
пришли степные козы.
На мой призыв завыл
вдали трусливый шакал...
Я светоч уронил
и горестно заплакал:
«Будь проклят. Вельзевул —
лукавый соблазнитель, —
не ты ли мне шепнул,
что новый я Спаситель?..
О проклят, проклят будь!..

Никто меня не слышит...»
Чахоточная грудь
так судорожно дышит.
На западе горит
смарагд бледно-зеленый...
На мраморе ланит
пунцовые пионы...
Как сорванная цепь
жемчужин, льются слезы...

Помчались быстро в степь
испуганные козы.

Август 1903

Серебряный Колодезь

Мания

Из царских дверей выхожу.
Молитва в лазурных очах.
По красным ступеням схожу
со светочем в голых руках.

Я знаю безумии напор.
Больной, истеричный мой вид,
тоскующий взор,
смертельная бледность ланит.

Безумные грезы свои
лелеете с дикой любовью,
взглянув на одежды мои,
залитые кровью.

Поете: «Гряди же, гряди».
Я грустно вздыхаю,
бескровные руки мои
на всех возлагаю.

Ну, мальчики, с Богом,
несите зажженные свечи!..
Пусть рогом
народ созывают для встречи.

Ну что ж – на закате холодного дня
целуйте мои онемевшие руки.
Ведите меня
на крестные муки.

Август 1903

Серебряный Колодезь

Забота

Весь день не стихала работа.
Свозили пшеницу и рожь.
Безумная в сердце забота
бросала то в холод, то в дрожь.

Опять с несказанным волнением
я ждал появления Христа.
Всю жизнь меня жгла нетерпением
старинная эта мечта.

Недавно мне тайно сказали,
что скоро вернется Христос...
Телеги, скрипя, подъезжали...
Поспешно свозили овес.

С гумна возвращался я к дому,
смотря равнодушно на них,
грызя золотую солому,
духовный цитируя стих.

2

Сегодня раздался вдруг зов,
когда я молился, тоскуя,
среди влажных, вечерних лугов:
«Холодную ночью приду я...»

Всё было в дому зажжено...
Мы в польтах осенних сидели.
Друзья отворили окно...
Поспешно калоши надели.

Смарагдовым светом луна
вдали озаряла избушки.
Призывно раздался с гумна
настойчивый стук колотушки.

«Какие-то люди прошли», —
сказал нам пришедший рабочий.
И вот с фонарями пошли,
воздевши таинственно очи.

Мы вышли на холод ночной.
Луна покраснела над степью.
К нам пес обозленный, цепной
кидался, звеня своей цепью.

Бледнели в руках фонари...
Никто нам в ночи не ответил...
Кровавую ленту зари
встречал пробудившийся петел.

1903

Серебряный Колодезь

Блоку

1

Один, один средь гор. Ищу Тебя.
В холодных облаках бреду бесцельно.
Душа моя
скорбит смертельно.

Вонзивши жезл, стою на высоте.
Хоть и смеюсь, а на душе так больно.
Смеюсь мечте
своей невольно.

О, как тяжел венец мой золотой!
Как я устал!.. Но даль пылает.
Во тьме ночной
мой рог вызывает.

Я был меж вас. Луч солнца золотил
причудливые тучи в яркой дали.
Я вас будил,
но вы дремали.

Я был меж вас печально-неземной.
Мои слова повсюду раздавались.

И надо мной
вы все смеялись.

И я ушел. И я среди вершин.
Один, один. Жду знамений неожиданных.
Один, один
среди бурь туманных.

Всё как в огне. И жду, и жду Тебя.
И руку простираю вновь бесцельно.
Душа моя
скорбит смертельно.

Сентябрь 1901
Москва

2

Из-за дальних вершин
показался жених озаренный.
И стоял он один,
высоко над землей вознесенный.

Извещалось не раз
о приходе владыки земного.
И в предутренний час
запылали пророчества снова.

И лишь света поток
над горами вознесся сквозь тучи,
он стоял, как пророк,
в багрянице, свободный, могучий.

Вот идет. И венец
отражает зари свет пунцовый.
Се – венчаный телец,
основатель и Бог жизни новой.

Май 1901

Москва

3

Суждено мне молчать.
Для чего говорить?
Не забуду страдать.
Не устану любить.

Нас зовут
без конца...
Нам пора...
Багряницу несут
и четыре колючих венца.

Весь в огне
и любви

мой предсмертный, блуждающий взор.
О, приблизься ко мне —
распростертый, в крови,
я лежу у подножия гор.

Зашатался над пропастью я
и в долину упал, где поет ручеек.
Тяжкий камень, свистя,
неожиданно сбил меня с ног —
тяжкий камень, свистя,
размозжил мне висок.

Среди ландышей я —
зазявший, кровавый цветок.
Не колышется больше от мук
вдруг застывшая грудь.

Не оставь меня, друг,
не забудь!..

1903

Москва

Одиночество

Посвящается В.С. Соловьеву

Я вновь один. Тоскую безнадежно.

Виденья прежних дней,
нас звавшие восторженно и нежно,
рассеялись, лишь стало холодной.

Стою один. Отчетливей, ясней
ловлю полет таинственных годин.
Грядущее мятежно.

Стою один.
Тоскую безнадежно.

Не возродить... Что было, то прошло —
всё время унесло.
Тому, кто пил из кубка огневого,
не избежать безмолвия ночного.

Недолго. Близится. С питьем идет
ко мне. Стучит костями.

Уста мои кровавый огонь сожжет.
Боюсь огня... вдали, над тополями
двурогий серп вон там горит огнями
среди онемело-мертвенных вершин.
Туман спустился низко.
Один, один,
а смерть так близко.

Сентябрь 1901
Москва

Осень

1

Огромное стекло
в оправе изумрудной
разбито вдребезги под силой ветра чудной —

огромное стекло
в оправе изумрудной.

Печальный друг, довольно слез — молчи!
Как в ужасе застывшая зарница,
луны осенней багряница.

Фатою траурной грачи
несутся — затенили наши лица.

Протяжно дальний визг
окрестность опояшет.
Полынь метлой испуганно нам машет.

И красный лунный диск
в разбитом зеркале, чертя рубины, пляшет.

В небесное стекло
с размаху свой пустил железный молот...
И молот грянул тяжело.
Казалось мне – небесный свод расколот.

И я стоял,
как вольный сокол.
Беспечно хохотал
среди осыпавшихся стекол.

И что-то страшное мне вдруг
открылось.
И понял я – замкнулся круг,
и сердце билось, билось, билось.

Раздался вздох ветров среди могил —
«Ведь ты, убийца,
себя убил, —
убийца!»
Себя убил.

За мной пришли. И я стоял.
побитый бурей сокол —
молчал
среди осыпавшихся стекол.

Август 1903

Серебряный Колодезь

Священные дни

*Посвящается П.А. Флоренскому
Ибо в те дни будет такая скорбь,
какой не было от начала творения.
Марк XIII, 19*

Бескровные губы лепечут заклатья.
В рыданье поднять не могу головы я.

Тоска. О, внимайте тоске, мои братья.
Священна она в эти дни роковые.

В окне дерева то грустят о разлуке
на фоне небес неизменно свинцовом,

то ревмя ревут о Пришествии Новом,
простерши свои суховатые руки.

Порывы метели суровы и резки
Ужасная тайна в душе шевелится.

Задерни, мой брат, у окна занавески:
а то будто Вечность в окошко глядится.

О, спой мне, товарищ! Гитара рыдает.
Прекрасны напевы мелодии страстной.

Я песне внимаю в надежде напрасной...
А там... за стеной... *тот* же голос зовет.

Не раз занавеска в ночи колыбалась.
Я снова охвачен напевом суровым,

Напевом веков о Пришествии Новом...
И Вечность в окошко грозой застучалась.

Куда нам девать свою немощь, о братья?
Куда нас порывы влекут буревые?

Бескровные губы лепечут заклятья.
Священна тоска в эти дни роковые.

1901

На закате

Бледно-красный, весенний закат догорел.
Искрометной росой блистала трава.
На тебя я так грустно смотрел.
Говорит неземные слова.

Замерла ты, уйдя в бесконечный простор.
Я все понял Я знал, что расстанемся мы.
Мне казалось – твой тающий взор
видел призрак далекой зимы.

Замолчала... А там степь цвела красотой.
Все. синевя, сливалось с лазурью вдали.
Вдоль заката тоскливой мечтой
догоревшие тучки легли.

Ты, вставая, сказала мне. «Призрак... обман...»
Я поник головой Навсегда замолчал.
И холодный, вечерний туман
над сырыми лугами вставал.

Ты ушла от меня. Между нами года.
Нас с тобой навсегда разлучили они.
Почему же тебя, как тогда,
я люблю в эти серые дни?

Апрель 1901

Москва

Подражание Вл. Соловьеву

Тучек янтарных гряда золотая
в небе застыла, и дня не вернуть.
Ты настрадалась: усни, дорогая...

Вечер спустился. В тумане наш путь

Пламенем желтым сквозь ветви магнолий
ярко пылает священный обет.

Тают в душе многолетние боли,
точно звезды пролетающий след.

Горе далекою тучею бурной
к утру надвинется Ветром пахнет
Отблеск зарницы лилово-пурпурной
вспыхнет на небе и грустно заснет.

Здесь отдохнем мы. Луна огневая
не озарит наш затерянный путь.
Ты настрадалась, моя дорогая,
Вечер спускается. Время уснуть.

1902

Москва

Любовь

Был тихий час. У ног шумел прибой.
Ты улыбнулась, молвив на прощанье:
«Мы встретимся... До нового свиданья...»
То был обман. И знали мы с тобой,

что навсегда в тот вечер мы прощались.

Пунцовым пламенем зарделись небеса.
На корабле надулись паруса
Над морем крики чаек раздавались.

Я вдаль смотрел, щемящей грусти полн.
Мелькал корабль, с зарею уплывавший
среди нежных, изумрудно-пенных волн,
как лебедь белый, крылья распластавший.

И вот его в безбрежность унесло.
На фоне неба бледно-золотистом
вдруг облако туманное возшло
и запылало ярким аметистом.

1901 или 1902

Москва

Ясновидение

Милая, – знаешь ли – вновь
видел тебя я во сне?..
В сердце проснулась любовь.
Ты улыбалась мне.

Где-то в далеких лугах
ветер вздохнул обо мне.
Степь почивала в слезах.
Ты замечталась во сне.

Ты улыбалась, любя.
помня о нашей весне
Благословляя тебя,
был я весь день как во сне.

Май 1902

Москва

Мои слова

Мои слова – жемчужный водомет,
среди лунных снов бесцельный,
но вспененный, —
капризной птицы лёт,
туманом занесенный.

Мои мечты – вздыхающий обман,
ледник застывших слез, зарей горящий —
безумный великан.
на карликов свистящий.

Моя любовь – призывно-грустный звон,
что зазвучит и у летит куда-то, —
неясно-милый сон,
уж виданный когда-то.

Май 1901

Серебряный Колодезь

С.М. Соловьеву

Сердце вещее радостно чует
призрак близкой, священной войны.
Пусть холодная выюга бунтует —
Мы храним наши *белые* сны.
Нам не страшно зловещее око
великана из туч буревых.
Ах, восстанут из тьмы два пророка.
Дрогнет мир от речей огневых.
И на северных бедных равнинах
разлетится их клич боевой
о грядущих, священных годах,
о последней борьбе мировой.
Сердце вещее радостно чует
призрак близкой, священной войны.
Пусть февральская выюга бунтует —
мы храним наши *белые* сны.

Февраль 1901

Москва

Раздумье

Посвящается памяти Вл. С. Соловьева

Ночь темна Мы одни.
Холод Ветер ночной
деревами шумит. Гасит в поле огни.
Слышен зов: «Не смущайтесь... я с вами...
за мной!...»

И не знаешь, кто там.
И стоишь, одинок.
И боишься довериться радостным снам.
И с надеждой следишь, как алеет восток.

В поле зов «Близок день.
В смелых грезах сгори!»
Убегает на запад неверная тень.
И все ближе, все ярче сиянье зари.

Дерева шелестят:
«То не сон, не обман...»
Потухая, вверху робко звезды блещут...
И вызывает пророк, проходя сквозь туман.

Февраль 1901

Пепел

Посвящаю эту книгу памяти Некрасова

*Что ни год – уменьшаются силы,
Ум ленивее, кровь холодней...
Мать-отчизна! дойду до могилы,
Не дождавшись свободы твоей!*

*Но желал бы я знать, умирая,
Что стоишь ты на верном пути,
Что твой пахарь, поля засевая,
Видит ведряный день впереди;*

*Чтобы ветер родного селенья
Звук единый до слуха донес,
Под которым не слышно кипенья
Человеческой крови и слез.*

Н.А. Некрасов

Россия

Отчаянье

З. Н. Гиппиус

Довольно: не жди, не надейся —
Рассейся, мой бедный народ!
В пространство пади и разбейся
За годом мучительный год!

Века нищеты и безволя.
Позволь же, о родина мать,
В сырое, в пустое раздолье,
В раздолье твое прорыдать —

Туда, на равнине горбатой, —
Где стая зеленых дубов
Волнуется купой подъятой,
В косматый свинец облаков,

Где по полю Оторопь рыщет,
Восстав сухоруким кустом,
И ветер пронзительно свищет
Ветвистым своим лоскутом,

Где в душу мне смотрят из ночи,
Поднявшись над сетью бугров,
Жестокие, желтые очи
Безумных твоих кабаков, —

Туда, – где смертей и болезней
Лихая прошла колея, —
Исчезни в пространство, исчезни,

Россия, Россия моя!

Июль 1908

Серебряный Колодезь

Деревня

Г. А. Рачинскому

Снова в поле, обвеваем
Легким ветерком.
Злое поле жутким лаем
Всхлипнет за селом.

Плещут облаком косматым
По полям седым
Избы, роем суковатым
Изрыгая дым.

Ощетинились их спины,
Как сухая шерсть.
День и ночь струят равнины
В них седую персть.

Огоньками злых поверий
Там глядят в простор,
Как растрепанные звери
Пав на лыс-бугор.

Придавила их неволя,
Вы – глухие дни.
За бугром с пустого поля
Мечут головни,

И над дальним перелеском
Просверкает пыл:
Будто змей взлетает блеском
Искрометных крыл.

Журавель кривой подъемлет,
Словно палец, шест.
Сердце Оторопь объемлет,
Очи темень ест.

При дороге в темень сухо
Чиркает сверчок.
За деревней тукнет глухо
Дальний колоток.

С огородов над полями
Взмоется лоскут.
Здесь встречают дни за днями:
Ничего не ждут.

Дни за днями, год за годом:
Вновь за годом год.
Недород за недородом.

Здесь – немой народ.

Пожирают их болезни,
Иссушает глаз...
Промерцают в синей бездне —
Продрожит – алмаз,

Да заря багровым краем
Над бугром стоит.
Злое поле жутким лаем
Всхлипнет; и молчит.

1908

Серебряный Колодезь

Шоссе

Д.В. Философову

За мною грохочущий город
На склоне палящего дня.
Уж ветер в расстегнутый ворот
Прохладой целует меня.

В пространство бежит – убегает
Далекая лента шоссе.
Лишь перепел серый мелькает,
Взлетая, ныряя в овсе.

Рассыпались по полю галки.
В деревне блеснул огонек.
Иду. За плечами на палке
Дорожный висит узелок.

Слагаются темные тени
В узоры промчавшихся дней.
Сижу. Обнимаю колени
На груди дорожных камней.

Сплетается сумрак крылатый
В одно роковое кольцо.
Уставился столб полосатый
Мне цифрой упорной в лицо.

Август 1904

Ефремов

На вольном просторе

Муни

Здравствуй, —
Желанная
Воля —
Свободная,
Воля

Победная,
Даль осиянная, —
Холодная,
Бледная.

Ветер проносится, желтью травы колебля, —
Цветики поздние, белые.
Пал на холодную землю.

Странны размахи упругого стебля,
Вольные, смелые.
Шелесту внемлю.
Тише...
Довольно:
Цветики
Поздние, бледные, белые,
Цветики,
Тише...
Я плачу: мне больно.

Август 1904

Серебряный Колодезь

На рельсах

Кублицкой-Пиоттук

Вот ночь своей грудью прильнула

К семье облетевших кустов.
Во мраке ночном утонула
Там сеть телеграфных столбов.

Застыла холодная лужа
В размытых краях колеи.
Целует октябрьская стужа
Обмерзшие пальцы мои,

Привязанность, молодость, дружба
Промчались: развеялись сном.
Один. Многолетняя служба
Мне душу сдавила ярмом.

Ужели я в жалобах слезных
Ненужный свой век провлачу?
Улегся на рельсах железных,
Затих: притаился – молчу.

Зажмурил глаза, но слезою —
Слезой овлажнился мой взор,
И вижу: зеленой иглою
Пространство сечет семафор.

Блеснул огонек, еле зримый,
Протяжно гудит паровоз.
Взлетают косматые дымы
Над купами чахлых берез.

1908

Москва

Из окна вагона

Эллису

Поезд плачется. В дали родные
Телеграфная тянется сеть.
Пролетают поля росяные.
Пролетаю в поля: умереть.

Пролетаю: так пусто, так голо...
Пролетают — вон там и вон здесь —
Пролетают — за селами села,
Пролетает — за весями весь; —

И кабак, и погост, и ребенок,
Засыпающий там у груди: —
Там — убогие стаи избенок,
Там — убогие стаи людей.

Мать Россия! Тебе мои песни, —
О немая, суровая мать! —
Здесь и глуше мне дай, и безвестней
Непутевую жизнь отрыдать.

Поезд плачется. Дали родные.

Телеграфная тянется сеть —
Там – в пространства твои ледяные
С буреломом осенним гудеть.

Август 1908

Суйда

Телеграфист

С.Н. Величкину

Окрестность леденеет
Туманным октябрем.
Прокружится, провеет
И ляжет под окном, —

И вновь взметнуться хочет
Большой кленовый лист.
Депешами стрекочет
В окне телеграфист.

Служебный лист исчертит.
Руками колесо
Докучливое вертит,
А в мыслях – то и се.

Жена болеет боком,
А тут – не спишь, не ешь,

Прикованный потоком
Летающих депеш.

В окне кустарник малый,
Окинет беглый взгляд —
Протянутые шпалы
В один тоскливый ряд,

Вагон, тюки, брезенты
Да гаснувший закат...
Выкидывает ленты,
Стрекочет аппарат.

В лесу сыром, далеком
Теряются пески,
И еле видным оком
Мерцают огоньки.

Там путь пространства чертит...
Руками колесо
Докучливое вертит;
А в мыслях — то и се.

Детишки бьются в школе
Без книжек (где их взять!):
С семьей прожить легко ли
Рублей на двадцать пять: —

На двадцать пять целковых —

Одежа, стол, жилье.
В краях сырых, суровых
Тянись, жите мое! —

Вновь дали мерит взором —
Сырой, осенний дым
Над гаснувшим простором
Пылит дождем седым.

У рельс лениво всхлипнул
Дугою коренник,
И что-то в ветер крикнул
Испуганный ямщик.

Поставил в ночь над склоном
Шлагбаум пестрый шест:
Ямщик ударил звоном
В простор окрестных мест.

Багрянцем клен промоет —
Промоет у окна.
Домой бы! Дома ноет,
Без дел сидит жена, —

В который раз, в который,
С надутым животом!..
Домой бы! Поезд скорый
В полях вопит свистком;

Клокочут светом окна —
И искр мгновенный сноп
Сквозь дымные волокна
Ударил блеском в лоб.

Гремя, прошли вагоны.
И им пропел рожок.
Зеленый там, зеленый,
На рельсах огонек... —

Стоит он на платформе,
Склонись во мрак ночной, —
Один, в потертой форме,
Под стужей ледяной.

Слезою взор туманит.
В костях озябших – лом.
А дождик барабанит
Над мокрым козырьком.

Идет (приподнял ворот)
К дежурству – изнемочь.
Вдали уездный город
Кидает светом в ночь.

Всю ночь над аппаратом
Он пальцем в клавиш бьет.
Картонным циферблатом
Стенник ему кивнет.

С речного косогора
В густой, в холодный мрак —
Он видит – семафора
Взлетает красный знак.

Вдыхая, спину клонит;
Зевая над листом,
В небытие утонет,
Затянет вечным сном

Пространство, время. Бога
И жизнь, и жизни цель —
Железная дорога,
Холодная постель.

Бессмыслица дневная
Сменяется иной —
Бессмыслица дневная
Бессмыслицей ночной.

Листою желтой, блеклой,
Слезливой, мертвой мглой
Постукивает в стекла
Октябрьский дождик злой.

Лишь там на водокачке
Моргает фонарёк.
Лишь там в сосновой дачке

Рыдает голосок.

В кисейно-нежной шали
Девушка средних лет
Выводит на рояли
Чувствительный куплет.

1906–1908

Серебряный Колодезь

В вагоне

Т.Н. Гиппиус

Жандарма потертая Форма,
Носильщики, слезы. Свисток —
И тронулась плавно платформа;
Пропел в отдаленье рожок.

В пустое, раздольное поле
Лечу, свою жизнь загубя:
Прости, не увижу я боле —
Прости, не увижу тебя!

На дальних обрывах откоса
Прошли – промерцали огни;
Мостом прогремели колеса...
Усни, мое сердце, усни!

Несется за местностью местность —
Летит: и летит — и летит.
Упорно в лицо неизвестность
Под дымной вуалью глядит.

Склонилась и шепчет: и слышит
Душа непонятную речь.
Пусть огненным золотом дышит
В поля паровозная печь.

Пусть в окнах — шмели искряные
Прносятся в красных роях,
Знакомые лица, дневные,
Померкли в суровых тенях.

Упала оконная рама.
Очнулся — в окне суетня:
Платформа — и толстая дама
Картонками душит меня.

Котомки, солдатские ранцы
Мелькнули и скрылись... Ясней
Блесни, пролетающих станций
Зеленая россыпь огней!

Август 1905
Ефремово

Станция

Г. А. Рачинскому

Вокзал: в огнях буфета
Старик почтенных лет
Над жареной котлетой
Колышет эполет.

С ним дама мило шутит,
Обдернув свой корсаж, —
Кокетливо закрутит
Изящный сак-вояж.

А там — сквозь кустик мелкий
Бредет он большаком.²
Мигают злые стрелки
Зеленым глазом.

Отбило грудь морозом,
А некуда идти —
Склонись над паровозом
На рельсовом пути!

Никто ему не внимлет.

² Большая дорога.

Нигде не сыщется корм.
Вон: – станция подьѐмлет
Огни своих платформ.

Выходят из столовой
На волю погулять.
Прильни из мглы свинцовой
Им в окна продрожать!

Дождливая окрестность,
Секи, секи их мглой!
Прилипни, неизвестность,
К их окнам ночью злой!

Туда, туда – далеко,
Уходит полотно,
Где в ночь сверкнуло око,
Где пусто и темно.

Один... Стоит у стрелки.
Свободен переезд.
Сечет кустарник мелкий
Рубин летящих звезд.

И он на шпалы прыгнул
К расплавленным огням:
Железный поезд грянул
По хряснувшим костям —

Туда, туда – далеко
Уходит полотно:
Там в ночь сверкнуло око,
Там пусто и темно.

А всё: в огнях буфета
Старик почтенных лет
Над жареной котлетой
Колышет эполет.

А всё: – среди лакеев,
С сигары армянин
Пуховый пепел свеяв, —
Глотает гренадин.

Дождливая окрестность,
Секи, секи их мглой!
Прилипни, неизвестность,
К их окнам ночью злой!

1908

Серебряный Колодезь

Каторжник

Н.Н. Русову

Бежал. Распростился с конвоем.

В лесу обагрилась земля.
Он крался над вечным покоем,
Жестокую месть утоля.

Он крался, безжизненный посох
Сжимая холодной рукой.
Он стал на приволжских откосах —
Поник над родною рекой.

На камень упал бел-горючий.
Закутался в серый халат.
Глядел на косматые тучи.
Глядел на багровый закат.

В пространствах, где вспыхивал пламень,
Повис сиротливый дымок.
Он гладил и землю, и камень,
И ржавые обручи ног.

Железные обручи звоном
Упали над склоном речным:
Пропели над склоном зеленым —
Гремели рыданьем родным.

Навек распростился с Сибирью:
Прости ты, родимый острог,
Где годы над водною ширию
В железных цепях изнемог.

Где годы на каменном, голом
Полу он валяться привык:
Внизу – за слепым частоколом —
Качался, поблескивал штык;

Где годы встречал он со страхом
Едва прозябающий день,
И годы тяжелым размахом
Он молот кидал на кремень;

Где годы так странно зияла
Улыбка мертвеющих уст,
А буря плескала-кидала
Дрожащий, безлиственный куст;

Бросали бренчавшие бревна,
Ругаясь, они на баржи,
И берегом – берегом, ровно
Влекли их, упав на гужи;

Где жизнь он кидал, проклиная,
Лихой, клекотавшей пурге,
И едко там стужа стальная
Сжигала ветрами в тайге,

Одежду в клочки изрывая,
Треща и плеща по кустам; —
Визжа и вясь – обвивая, —
Прошелкав по бритым щекам,

Где до крови в холоде мгlistом,
Под жалобой плачущий клич,
Из воздуха падая свистом,
Кусал его бешеный бич,

К спине прилипая и кожи
Срывая сырые куски...
И тучи нахмурились строже.
И строже запели пески.

Разбитые плечи доселе
Изъел ты, свинцовый рубец.
Раздвиньтесь же, хмурые ели!
Погасни, вечерний багрец!

Вот гнезда, как черные очи,
Зияя в откосе крутом,
В туман ниспадающей ночи
Визгливо стрельнули стрижом.

Порывисто знаменем крестным
Широкий свой лоб осенил.
Промчался по кручам отвесным,
Свинцовые воды вспенил.

А к телу струя ледяная
Прижалась колючим стеклом.
Лишь глыба над ним земляная

Осыпалась желтым песком.

Огни показались. И долго
Горели с далеких плотов;
Сурово их темная Волга
Дробила на гребнях валов.

Там искры, провеяв устало,
Взлетали, чтоб в ночь утонуть;
Да горькая песнь прорыдала
Там в синюю, синюю муть.

Там темень протопала скоком,
Да с рябью играл ветерок.
И кто-то стреляющим оком
Из тучи моргнул на восток.

Теперь над волной молчаливо
Качался он желтым лицом.
Плаксивые чайки лениво
Его задевали крылом.

1906–1908

Серебряный Колодезь

Вечерком

Взвизгнет, свистнет, прыснет, хряснет,

Хворостом шуршит.
Солнце меркнет, виснет, гаснет,
Пав в семью раки.

Иссыхают в зыбь лохмотьев
Сухо льющих нив
Меж соломы, меж хоботьев,
Меж зыбучих ив —

Иссыхают избы зноем,
Смотрят злым глазком
В незнакомое, в немое
Поле вечером, —

В небо смотрят смутным смыслом,
Спины гневно гнут:
Да крестьянки с коромыслом
Вниз из изб идут;

Да у старого амбара
Старый дед сидит.
Старый ветер нивой старой
Истари летит.

Тенью бархатной и черной
Размывает рожь,
Вытрясает треском зерна;
Шукнет — не поймешь:

Взвизгнет, свистнет, прыснет, хрюснет,
Хворостом шуршит.
Солнце: – меркнет, виснет, гаснет,
Пав в семью раки.

Протопорщился избенок
Кривобокий строй,
Будто серых старушонок
Полоумный рой.

1908

Ефремов

Бурьян

Г.Г. Шнету

Вчера завернул он в харчевню.
Свой месячный пропил расчет.
А нынче в родную деревню,
Пространствами стертый, бредет.

Клянет он, рыдая, свой жребий.
Друзья и жена далеки.
И видит, как облаки в небе
Влекут ледяные клоки.

Туманится в сырости – тонет

Окрестностей никнущих вид.
Худые былинки наклонит,
Дождями простор запылит —

Порыв разгулявшейся стужи
В полях разорвется, как плач.
Вон там: — из серебряной лужи
Пьет воду взлохмаченный грач.

Вон там: — его возгласам внимлет
Жилец просыревших полян —
Вон: — колкие руки подъемлет
Обсвищенный ветром бурьян.

Ликует, танцует: «Скитальцы,
Ища свой приют, припадут
Ко мне: мои цепкие пальцы
Их кудри навек оплетут.

Вонзаю им в сердце иглу я...
На мертвых верхах искони.
Целю я, целуя-милуя,
Их раны и ночи, и дни.

Здесь падают иглы лихие
На рыхлый, рассыпчатый лёсс;
И шелестом комья сухие
Летят, рассыпаясь в откос.

Здесь буду тебя я царапать, —
Томить, поцелуем клонясь...»
Но топчет истрепанный лапоть
Упорнее жидкую грязь,

Но путник, лихую сторонку
Кляня, убирается прочь.
Бурьян многолетний вдогонку
Кидает свинцовую ночь.

Задушит – затопит туманом:
Стрельнул там летучей иглой...
Прокурит над дальним курганом
Тяжелого олова слой.

Как желтые, грозные бивни,
Размытые в россыпь полей,
С откосов оскалились в ливни
Слои вековых мергелей.

Метется за ним до деревни,
Ликует – танцует репье:
Пропьет, прогуляет в харчевне
Растиртое грязью тряпье.

Ждут: голод да холод – ужотко;
Тюрьма да сума – впереди.
Свиrepая, крепкая водка,
Огнем разливайся в груди!

1905–1908

Ефремов

Арестанты

В.П. Поливанову

Много, брат, перенесли
На веку с тобою бурь мы.
Помнишь – в город нас свезли.
Под конвоем гнали в тюрьмы.

Била ливнем нас гроза:
И одежда перемокла.
Шел ты, в даль вперив глаза,
Неподвижные, как стекла.

Заковали ноги нам
В цепи.
Вспоминали по утрам
Степи.

За решеткой в голубом
Быстро ласточки скользили.
Коротал я время сном
В желтых клубах душной пыли.

Ты не раз меня будил.
Приносил нам сторож водки.
Тихий вечер золотил
Окон ржавые решетки.

Как с убийцей, с босяком,
С вором
Распева та вечерком
Хором.

Здесь, на во те, мел степей
Вспомним душные палаты,
Неумолчный лязг цепей,
Наши серые халаты.

Не кручинься, брат, о том,
Что морщины лоб изрыли.
Всё забудем: отдохнем —
Здесь, в волнах седой ковыли.

1901

Серебряный Колодезь

Веселье на Руси

Как несли за флягой флягу —
Пили огненную влагу.

Д' накачался —

Я.

Д' наплясался —

Я.

Дьякон, писарь, поп, дьячок

Повалили на лужок.

Эх —

Людям грех!

Эх – курам смех!

Трепаком-паком размашисто пошли: —

Трепаком, душа, ходи-валяй-вали:

Трепака да на лугах,

Да на межах, да во лесах —

Да обрабатывай!

По дороге ноги-ноженьки туды-сюды пошли,

Да по дороженьке вали-вали-вали —

Да притопатывай!

Что там думать, что там ждать:

Дунуть, плюнуть – наплевать:

Наплевать да растоптать:

Веселиться, пить да жрать.

Гомилетика, каноника —
Раздувай-дува-дувай, моя гармоника!

Дьякон пляшет —
— Дьякон, дьякон —
Рясой машет —
— Дьякон, дьякон —
Что такое, дьякон, смерть?

— «Что такое? То и это:
Носом — в лужу, пяткой — в твердь...»
.....

Раскидалась в ветре, — пляшет —
Полевая жердь —

Веткой хлюпающей машет
Прямо в твердь.

Бирюзовую волною
Нежит твердь.

Над страной моей родною
Встала Смерть.

1906

Серебряный Колодезь

Осинка

А. М. Ремизову

1

По полям, по кустам,
По крутым горам,
По лихим ветрам,
По звериным тропам
Спешит бобыль-сиротинка
Ко святым местам —

Бежит в пространство
Излечиться от пьянства.
Присел под осинкой
Бобыль-сиротинка.
«Сломи меня в корне», —
Осинка лепечет лиственная —
Лепечет
Ветром пьяная —

Над откосами
В ветре виснет;
Слезными росами
Праздно прыснет —

— «Сломи меня в корне», —

Осинка лепечет.

Осинка — кружев узорней —

Лепечет

В лес, в холод небес,

В холод горний —

— «Сломи меня в корне», —

Осинка лепечет.

Листики пламенные

Мечет

В провалы каменные, —

Всё злей, всё упорней

— «Сломи меня в корне», —

Лепечет:

Бормочет

В сердитой сырости,

Листами трескочет:

«Свой посох

Скорей —

Багрецом перевитый,

Свой посох —

Скорее

Сломи ты: —

Твои посох

В серебре
Да в серебряных росах.

Твой посох
Тебе не изменит: —
Врагов одорожных в пространство
Размечет —
От пьянства
Излечит».

Молчит сиротинка
Да чинит
Свой лапоть
Над склоном зеленым.

Согнется поклоном, —
И хочет
Его молодая осинка

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.